

БОЖІА ТРИЦА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МНѢ И
НЕ ВРАНИ
ТЕ МНѢ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкіи Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ВОСПИТЫВАЮЩЕЕ ЗНАЧЕНІЕ ПРАВОСЛАВНАГО БОГОСЛУЖЕНІА.

Въ жизни каждаго христіанина бываютъ моменты особаго религіознаго проникновенія, минуты благоговѣйнаго восторга и постиженія всей красоты православно-христіанскаго Богослуженія, всего его сокровеннаго, глубокаго смысла. Какъ-то радостно тогда бьется усталое сердце, какъ-то чище становится мысль и чувство, какъ-то живѣе представляется подвигъ любви, совершенный для

насъ на Голгоѣѣ, какъ-то легче и самъ восходишь тогда на Голгоѣу неизбѣжныхъ въ мірѣ страданій, гдѣ, по словамъ одного поэта, поруганная любовь и правда постоянно истекають кровью... Это—спасительныя мгновенія! И чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше. Чѣмъ живѣе и живѣе мы представляемъ себѣ подвигъ безконечной любви, тѣмъ больше оживаетъ и наша вѣра. Чѣмъ настойчивѣе и настой-

чивѣ проникаемъ мы въ смыслъ Богослуженія, тѣмъ болѣе и болѣе сближаемся съ событіями страданія и смерти Спасителя... Такъ, хрістіанское Богослуженіе, оживляя исторію нашего спасенія, ставя насъ въ нерасторжимую связь съ нею, воспитываетъ наше сердце. Въ этомъ общее значеніе Богослуженія, которое такъ настойчиво выдвигали на видъ св. отцы и подвижники вѣры. И поэтому правъ былъ Гоголь, когда съ чувствомъ истиннаго хрістіанина писалъ: „божественная литургія есть вѣчное повтореніе великаго подвига любви, для насъ совершившагося... А потому для всякаго, кто только хочетъ идти впередъ и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно, посѣщеніе божественной литургіи... Она нечувствительно стріитъ и создаетъ человѣка. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышатъ полною непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть божественная литургія, напоминающая человѣку о святой небесной любви къ брату. А потому кто хочетъ укрѣпиться въ любви, долженъ, сколько можно чаще, присутствовать со страхомъ, вѣрою и любовію при священной трапезѣ любви. И если онъ чувствуетъ, что недостойнъ принимать въ уста свои Самого Бога, Который весь любовь, то хотъ быть зрителемъ, какъ пріобщаются другіе, чтобъ незамѣтно, нечувствительно становиться совершеннѣе съ каждой недѣлей. Велико и неисчислимо можетъ быть вліяніе божественной литургіи... Всѣхъ равно уча, равно дѣйствуя на всѣ звенья, отъ царя до послѣдняго нищаго, всѣмъ она говоритъ одно, всѣхъ научаетъ любви, которая есть связь общества, сокровенная пружина всего стройно движущагося, пища и жизнь

всего“. Есть также прекрасныя страницы и у другого хрістіанина-писателя Достоевскаго, гдѣ онъ рисуетъ поучительныя картины воспитывающаго вліянія православно-хрістіанскаго Богослуженія, чудодѣйственная сила котораго заключается именно въ томъ, что оно, такъ сказать, придвигаетъ къ намъ и исторію нашего паденія и исторію нашего спасенія, заставляетъ насъ въ различныхъ богослужебныхъ чинахъ и обрядахъ образно воспроизводить событія минувшаго и чрезъ это сообщаетъ жизненное, непреходящее значеніе жизни и страданію, смерти и воскресенію Спасителя...

И если когда, то именно въ дни Страстной седмицы и св. Пасхи, такъ мощно и такъ дѣйственно сказывается вліяніе православнаго Богослуженія, такъ ощутительно его значеніе, какъ средства осязательнаго воспроизведенія исторіи... Вотъ почему наши великіе витіи слова, какъ, напримѣръ, приснопамятный митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Иннокентій, вдохновляемые торжественностію церковнаго Богослуженія Страстной седмицы, въ своихъ словахъ и поученіяхъ особенно любили рисовать предъ взоромъ слушателя евангельскую исторію какъ-бы совершающуюся предъ ихъ очами. „Опять Голгова и крестъ! Опять гробъ и плащаница!... Опять мытари и фарисеи, Пилаты и Ироды!“—восклицалъ одинъ изъ нихъ... Такъ живо вѣрующее сердце воспроизводитъ Евангельскую исторію, которая проходитъ предъ нимъ въ Богослуженіи... И Голгова и Крестъ, и спасающій Христось и ругающійся истинѣ Пилатъ—это для него не мертвые образы далекаго прошлаго, а родная и близкая ему дѣйствительность, заставляющая болью сжиматься сердце и въ умиленіи повергаться долу предъ

Страдальцемъ-Хрістомъ... А таковою, то есть живою и дѣйственною, и должна быть Евангельская исторія для каждаго вѣрующаго хрістіанина... Богослуженіе-же, какъ мы сказали, и является наисильнѣйшимъ средствомъ къ оживленію ея. И въ самомъ дѣлѣ, прислушайтесь то къ уныло-протяжнымъ, то къ могущественно разливающимся ударами колокола, вдумайтесь въ смыслъ Богослуженія великаго четверга, пятка, субботы и свѣтлаго дня и вы поймете всю красоту и удивительную содержательность формъ православно-хрістіанскаго Богослуженія. Живо встаетъ предъ вами образъ Страдальца-Хріста: Онъ страдаетъ и умираетъ за васъ и предъ вами, вы погребаете Его и ждете Его воскресенія... Вы шагъ за шагомъ идете за Нимъ и назидаетесь у Него... И во всёмъ этомъ руководитъ хрістіанина Богослуженіе. Да и не съ Спасителемъ нашимъ только сближаетъ хрістіанина храмъ Божій... Нѣтъ, въ храмѣ, во время Богослуженія, мы роднѣе становимся и съ нашими ближними по плоти и съ совершеннѣйшими насъ по духу святыми, которые, какъ „свѣтила духовнаго неба, въ извѣстныхъ кругахъ времени обращаются окрестъ Церкви“¹⁾... А окрыляемые молитвою святыхъ, мы смягчаемъ наше сердце и открываемъ его воздѣйствію Святаго Духа, который доселѣ „ударяетъ въ струны Давидовой Псалтири и оглашаетъ вѣрующихъ благодвижными звуками“²⁾. И подъ воздѣйствіемъ Духа Божія вѣрующій всегда ясно постигаетъ, что и „до нынѣ Моисей, Анна, Аввакумъ, Исаія, Иона, Даниль, Захарія воспѣваютъ намъ свои пророческія пѣсни

и дышать на насъ духомъ своей молитвы; до нынѣ, каждый день, Пресвятая Дѣва отверзаетъ свое, преисполненное божественною любовію сердце къ нашему сердцу, и возглашаетъ свое превыше серафимское величаніе Господа; донынѣ Василій и Златоустъ влагаютъ въ наши священнослужасія уста свои священнодѣйственные глаголы“¹⁾... Да, поистинѣ „въ священнодѣйствіяхъ и молитвахъ церковныхъ и донынѣ слышится голосъ святыхъ, чувствуется ихъ участіе“²⁾... И если бы не было хрістіанскаго храма и умилительнаго православнаго Богослуженія, то что, въ самомъ дѣлѣ, могло-бы такъ мощно оживлять нашу вѣру, что могло-бы жизненно сближать хрістіанина съ тѣми знаменательными историческими моментами, которые стоятъ на рубежѣ Вѣхаго и Новаго Завѣтовъ? Чѣмъ-бы утѣшился онъ, еслибы сталъ скорбѣть:

Зачѣмъ не въ то рожденъ я время,
Когда межъ нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Онъ шелъ на жизненномъ пути!
Зачѣмъ я не могу нести,
О, мой Господь, Твои оковы,
Твоимъ страданіемъ страдать
И крестъ на плечи Твой пріять,
И на главу вѣнецъ терновый!

Но хрістіанинъ не лишень возможно-сти всѣ свои помышленія

И сердца каждое биенье,

И душу всю свою отдать

Страдальцу Хрісту. Православное Богослуженіе, постоянно совершающаяся безкровная жертва, великіе праздники и особенно великіе дни святой четьредесятницы, Страстной седмицы и свя-

1) Филаретъ.

2) Прот. П. Смирновъ. См. Церк. Вѣдомости, издава при Свят. Синодѣ, 1903 годъ, № 9, „Союзъ Церкви земной съ небесною“, гдѣ подробно развиваются эти мысли.

1) Слова и Рѣчи митроп. Филарета.

2) Филаретъ.

той Пасхи возбуждаютъ его къ этому, побуждаютъ на это и наглядно обяывають не считать исторію спасенія чуждою и прекратившеюся для него... Въ этомъ скрывается все воспитывающее значеніе православнаго Богослуженія для хрістіанскаго сердца... И его-то въ особенности не нужно забывать скромнымъ труженникамъ необъятной нивы дѣтскихъ сердець!

Пусть-же эти истинные поборники православно-хрістіанскаго воспитанія въ наше тревожное время безвѣрія и маловѣрія чаще и чаще водятъ птенцовъ своей школы въ родной храмъ къ православному Богослуженію. Пусть пробуждающаяся весенняя природа и торжественность Богослуженія въ великіе дни страстей Господнихъ и славнаго воскресенія Хрістова вызоветь и оживить въ сознаніи руководителя юношества тѣ свѣтлыя минуты, когда онъ и самъ былъ юнъ, когда онъ мыслилъ образами, когда для него, умиленнаго сердцемъ, исторія евангельскихъ событій становилась въ Богослуженіи не простыми отголосками прошлаго, а живымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности — словомъ, когда онъ сердцемъ и мыслию былъ съ страждущимъ и воскресающимъ Хрістомъ: встрѣчалъ Его съ вѣтвями вай, погребалъ Его и сръталь по воскресеніи... А кто оживить въ себѣ эти святыя мысли и чувства, тотъ самъ поведетъ дѣтей въ храмъ, остановитъ вниманіе ихъ на глубокомъ символизмѣ православнаго Богослуженія, приблизитъ къ дѣтскому пониманію страждущаго и спасающаго насъ Хріста и этимъ навсегда запечатлѣетъ въ ихъ сердцахъ живой образъ Того, Кто въ отдаленіи вѣковъ жилъ и училъ, страдалъ и умеръ за все человѣчество и для всего человѣчества... Дѣтское-же сердце, по

свойственному ему стремленію все постигать образами, сумѣетъ, конечно, живо вообразить и воспринять въ себя Богочеловѣка.

Припомнимъ прекрасную страничку у Достоевскаго, гдѣ говоритъ онъ о духовномъ проникновеніи дѣтей. „Помню, говоритъ у него старецъ Зосима, какъ въ первый разъ посѣтило меня нѣкоторое проникновеніе духовное, еще восьми лѣтъ отъ роду. Повела матушка меня одного въ храмъ Господень, въ Страстную недѣлю къ обѣднѣ. День былъ ясный и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, какъ возносился изъ кадила еиміамъ и тихо восходилъ вверхъ... Смотрѣлъ я умиленно и въ первый разъ отъ роду *принялъ я тогда въ душу первое стѣмя слова Божія осмысленно.* Вышелъ на средину храма отрокъ съ большою книгой, такую большою, что, показалось мнѣ тогда, съ трудомъ даже и несть ее, и возложилъ на налой, отверзъ и началъ читать, и вдругъ *я тогда въ первый разъ въ жизни понялъ, что въ храмѣ Божиѣмъ читають...* А затѣмъ тихое и сладостное пѣніе въ храмѣ: „Да исправится молитва моя“, и снова еиміамъ отъ кадила священника и колѣнопреклоненная молитва“... Вотъ оно спасительное значеніе посѣщенія храма Божія и присутствія при православному Богослуженіи особенно въ великіе дни Страстной седмицы.

И поэтому всякій научившій любить дѣтей православное Богослуженіе — тѣмъ самымъ научитъ ихъ и любить слово Божіе и Хріста, т. е., исполнитъ долгъ великаго и высокаго проповѣдника истины, о которомъ сказано: *иже сотворитъ и научитъ, велиій наречется въ царствіи небесномъ...* И о еслибы побольше было работниковъ на нивѣ дѣтскихъ сердець, которые сами постигли непреходящее значеніе право-

славно-христіанскаго Богослуженія и тому-же научили-бы и малыхъ сихъ!...

Отцы, учителя и руководители дѣтей! Потщитесь-же о томъ, чтобы и въ години скорбной жизни, въ пору зрѣлыхъ лѣтъ, ваши дѣтки и бывшіе питомцы умѣли дышать такъ же, какъ

дышалъ восьмилѣтнею грудкою старецъ Зосима, который до глубокой старости всегда чувствовалъ при Богослуженіи тѣ счастливыя минуты умиленія, смятенія и радости, которыя захватывали его дѣтское еще сердечко...

Димитрій Введенскій.

ЧТО И КАКЪ ЧИТАТЬ НАШЕМУ СЕЛЬСКОМУ УЧИТЕЛЮ?

„Берегись, христіанинъ, подавать соблазнъ и самъ берегись соблазна, какъ моровой язвы“...

Св. Тихонъ Воронежскій.

Вопросъ о выборѣ и характерѣ чтенія представляетъ немалый интересъ для нашего сельскаго приходскаго учителя.—Домашнее чтеніе книгъ, газетъ и журналовъ въ послѣднее время является главнѣйшимъ орудіемъ самообразования, и вовсе не маловажно, что читаетъ учитель въ теченіе цѣлаго ряда годовъ... Серьезное чтеніе расширяетъ и углубляетъ полученное въ школѣ образованіе, воспитываетъ душу, формируетъ мысль, внушаетъ тѣ или иныя симпатіи и антипатіи, освѣщаетъ дѣйствительность съ той или иной стороны, подъ тѣмъ или инымъ угломъ зрѣнія,—словомъ, книги довоспитываютъ, доразвиваютъ человѣка, ускоряютъ въ немъ выработку того или иного міросозерцанія...

Съ другой стороны, книгъ теперь такая масса и столько между ними—плохихъ и даже прямо вредныхъ, что учителю и особенно бывшему воспитаннику второклассной школы совершенно не по силамъ разобраться въ этой хаотической массѣ, — и онъ читаетъ все, что попадаетъ ему подъ руку, или, въ лучшемъ случаѣ,—выбираетъ книги по заглавіямъ, не будучи вполнѣ увѣренъ, полезна

или вредна выбранная имъ книга, изданіе, газета... Образованіе, получаемое во второклассной школѣ, откуда не мало учителей, не обширно; но и оно несомнѣнно возбуждаетъ въ воспитанникахъ жажду самообразовательнаго чтенія, неодолимо толкающую ихъ къ книгѣ, хотя-бы сомнительнаго достоинства... Конечно въ каждой церковной школѣ имѣется святое Евангеліе, Псалтирь, житія святыхъ, изрѣдка—какое либо духовное изданіе, и эти книги, несомнѣнно, прочитываются. Но, кромѣ религіозно-нравственныхъ книгъ, въ руки учителя во множествѣ попадаютъ и свѣтскія книги, а послѣднія, какъ извѣстно, имѣютъ особое притягательное значеніе для полуобразованнаго читателя, какими въ большинствѣ являются учителя не только церковныхъ, но и министерскихъ, и земскихъ школъ... Ненасытная жажда образованія, безчисленныя отрицательныя теченія, характеризующія верхи нашего свѣтскаго общества,—умственные сатурналіи мнимообразованныхъ, вліяющихъ на массы умственнымъ и матеріальнымъ превосходствомъ, нервно напряженная, нравственно-распушенная дѣятельность современной свѣтской литера-

туры,—все это не может не вліять на низшіе полуобразованные слои общества,—и съ этимъ фактомъ надобно считаться!.. Какими внѣшними заставами ни ограждайте воспитывающееся юношество, современныя умственныя теченія, въ той или иной формѣ, неизбежно ему передадутся.

Поверхностное поглощеніе легкаго литературнаго балласта въ особенности правится неопытнымъ и малоразвитымъ читателямъ; этимъ отчасти объясняется непобѣдимое влеченіе полуобразованной публики къ легкой беллетристикѣ въ духѣ „Нивы“, „Сѣвера“, „Вокругъ Свѣта“, „Родины“ и проч. Тутъ причина чисто-психическая и отчасти нравственная; основывается она на стремленіи обыденнаго человѣка къ посильному, неутомительному, легкому чтенію, доставляющему больше удовольствія, чѣмъ пользы; тутъ глубоко дѣйствуетъ привычка глядѣть на важнѣйшія вещи, даже на самую жизнь, какъ на непрерывный праздникъ, какъ на безконечную цѣпь удовольствій,—воззрѣніе, являющееся послѣднимъ выводомъ новѣйшаго научнаго язычества: вѣдь о чемъ-же мечтаютъ нынѣшніе адепты будущаго „золотого вѣка“, безъ Бога и безъ Церкви, какъ не о плотскомъ праздникѣ, полномъ чисто-физическихъ наслажденій?—Какъ ни изворачивайся, а въ послѣднемъ выводѣ получится именно—утонченная животность, возведенная на пьедесталь и окутанная туманомъ утопіи!..

А легкое литературное чтеніе, не обязывающее къ серьезному умственному труду, доставляетъ читателямъ особенную пріятность, щекочущую нервы и доходящую до наркоза. Правда, нашъ простой, сѣрый народъ—труженикъ, всецѣло преданный мате-

ри-Церкви, не такъ легко увлекается безсодержательной и вредной книгой, какъ извѣстная часть интеллигенціи.—Попробуйте-ка прочесть простому грамотному крестьянину, любителю серьезнаго, душеспасительнаго чтенія, какую нибудь раздирательную повѣсть новѣйшаго сердцеда. Онъ или не дослушаетъ васъ, или заговоритъ съ вами послѣ чтенія такимъ уничтожающе-насмѣшливымъ, обидно-снисходительнымъ тономъ, что вамъ совѣстно станетъ и за себя, и за сердцеда.. Лучшія страницы Тургенева, приводящія сентиментальную читательницу изъ интеллигенціи въ состояніе благоговѣйнаго млѣнія, вызываютъ краску стыда на лица крестьянъ-слушателей: имъ совершенно не понятенъ утонченно-чувственный восторгъ самца предъ физической красотой самки;—имъ, трудящимся людямъ, смѣшенъ чувственный культъ женской красоты и граціи..

Съ расширеніемъ сферы литературныхъ вкусовъ и потребностей, это непосредственное, нравственно-прозорливое чутье хорошей и полезной книжки нѣсколько затемняется. Да это и понятно: гораздо легче отличить душеспасительную книжку отъ пустячной книги свѣтскаго характера, нежели разобраться самостоятельно въ невообразимомъ хаосѣ современной спекулятивной макулатуры, по мѣткому выраженію одного пессимистически—настроеннаго публициста. Вотъ здѣсь-то и нужна твердая руководственная помощь, согрѣтая искреннимъ братскимъ чувствомъ любви и уваженія..

Легкое, непроизводительное чтеніе, помимо своей безцѣльности, вредно еще и въ томъ отношеніи, что оно отучаетъ нервы читателя отъ серьезнаго, плодотворнаго напряженія, смѣ-

няемаго здоровой, нормальной усталостью, не въ мѣру развиваетъ воображеніе, порождаетъ вялую, безрезультатную мечтательность, парализуетъ волю множествомъ взаимно-исключающихъ другъ друга взглядовъ и представлений, и вообще расслабляетъ весь душевный организмъ читателя...

Другая, не менѣ серьезная, опасность, скрывающаяся въ „легкомъ“ чтеніи, заключается въ общемъ отрицательномъ направленіи современной свѣтской литературы. Основное настроеніе послѣдней или—легкій водевильный сенсуализмъ парижскаго происхожденія, или болѣзненное нытье, пресловутая міровая скорбь, трагикомическіе вопли о какихъ-то величественныхъ, но очень туманныхъ и неопредѣленныхъ началахъ... Общее впечатлѣніе отъ этой мрачной и нравственно-непривлекательной картины равносильно состоянію души во время осенней распутицы, когда по небу ползутъ грязно-сѣрыя тучи, непрерывно сѣтся мелкій назойливый дождикъ, подъ ногами всхлипываетъ гнилая жидкая грязь, а въ душу ползутъ смутные, неуклюжіе образы, порождая въ ней мертвую тоску и равнодушную апатію....

Западные писатели, какъ-де—Вогюэ, ѣдко иронизируютъ надъ безпредметнымъ и безрезультатнымъ нытьемъ русской литературы, справедливо недоумѣвая при видѣ множества совершенно здоровыхъ и сравнительно счастливыхъ людей, безконечно тянущихъ одну плаксивую монотонную симфонию... Многіе склонны взирать на эту кисло-сладкую мертвечину, какъ на существеннѣйшій признакъ переходной эпохи въ жизни нашей интеллигенціи. А по нашему мнѣнію это—не болѣе, какъ древняя постыдная лѣнь русскаго обывателя, оправдываемая но-

вѣйшими теоріями современнаго научнаго язычества,—нежеланіе серьезно шевельнуть мозгами для самостоятельнаго рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ души и жизни,—вопросовъ, при всей своей глубинѣ и сложности,—простыхъ и ясныхъ, какъ Божіе утро...

Результатомъ всего этого является невообразимая путаница нравственныхъ и другихъ понятій, царящая въ жизни и дѣятельности нашего свѣтскаго общества (конечно, и между свѣтскими людьми часто встрѣчаются личности съ твердымъ и устойчивымъ міровоззрѣніемъ въ церковномъ духѣ):—русское образованное общество оторвалось отъ родной почвы, и теперь блуждаетъ въ потемкахъ, не зная, за что ухватиться...

Воспитанники нашихъ второклассныхъ школъ, крестьяне по происхожденію, въ большинствѣ сохраняютъ народное воззрѣніе на книгу, и этимъ надо особенно дорожить въ данномъ случаѣ, особенно въ виду будущихъ жизненныхъ вліяній, которыя могутъ идти совершенно въ разрѣзъ со всѣмъ складомъ и направленіемъ школьнаго воспитанія. Извѣстенъ фактъ, что воспитанники второкл. школъ, по выходѣ изъ школы и по вступленіи въ должность, проявляютъ иногда такіа склонности и стремленія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли быть привиты имъ воспитаніемъ во второклассной школѣ.

Для иллюстраціи приведемъ нѣкоторые письменные отвѣты воспитанниковъ нашей второклассной школы на вопросъ: „какія книги я люблю читать и какія изъ нихъ, по моему мнѣнію, наиболѣе полезны?“

„Имѣя въ виду то,—пишетъ одинъ изъ воспитанниковъ,—что чтеніе книгъ приноситъ громадную пользу,

я люблю читать книги, написанныя болѣе просто и понятно. Книги, изложенныя болѣе литературно (авторъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду тяжелый языкъ, сухость и отвлеченность изложенія, и другія техническія затрудненія при чтеніи), приводятъ меня въ затрудненіе. По моему мнѣнію, малообразованному человѣку такія *трудныя* книги приносятъ мало пользы и для него не интересны“...

Чтеніе историческихъ книгъ, по общему мнѣнію воспитанниковъ, полезно въ томъ отношеніи, что оно знакомитъ насъ съ хорошими сторонами древне-русской жизни, знакомитъ съ жизнью и подвигами великихъ русскихъ людей, кровью и потомъ послужившихъ для славы и благоденствія родины... Многіе придаютъ также большое значеніе книгамъ по сельскому хозяйству, по географіи, по гигиенѣ и проч.

Но настоящая, прочная почва, на коей единодушно сходятся всѣ воспитанники, есть почва нравственно-религіознаго просвѣщенія, въ духѣ и завѣтахъ Церкви Православной... „А все-таки книги, касающіяся Закона Божія“, пишутъ многіе, „есть болѣе полезныя, болѣе „просвѣщающія“ книги: онѣ заключаютъ въ себѣ сокровища назиданія и поученія, безъ коихъ человѣкъ блуждалъ-бы въ жизни, какъ въ глуши лѣсной“...

У нѣкоторыхъ эта благоговѣйная любовь къ нравственно-религіозному чтенію доходитъ до сознательнаго и исключительнаго предпочтенія такого чтенія чтенію свѣтскихъ книгъ: „Болѣе всего я люблю читать книги священнаго Писанія,—пишетъ взрослый серьезный и вдумчивый воспитанникъ: „онѣ,—т. е. книги священнаго Писанія,—укрѣпляютъ въ человѣкѣ вѣру, указываютъ ему истин-

ный путь къ достиженію блаженства, утѣшаютъ его въ горести и несчастіи... Изъ св. Писанія видно, какъ Богъ изливаетъ милости Своя на творящихъ Его волю, и какъ тяжело наказываетъ Онъ Своихъ противниковъ, непомнящихъ Его заповѣдей. Въ душеспасительныхъ книгахъ, какъ въ зеркалѣ, отражается жизнь угодниковъ Божіихъ, святыхъ мучениковъ за вѣру Христову и Церковь православную... Человѣкъ по привычкѣ угождаетъ больше тѣлу, чѣмъ душѣ; поэтому мы ищемъ обыкновенно такихъ книгъ, которыя угождаютъ тѣлу и темнятъ душу. Таковы романы, повѣсти, рассказы и проч.—Говорятъ, что романы даютъ много знаній; а по нашему мнѣнію, они только портятъ жизнь, развращаютъ душу, и дѣлаютъ человѣка жертвою удовольствій“...

Не мѣшаетъ также сказать и о такъ называемыхъ популярно-научныхъ книгахъ. Главнѣйшая причина небывалаго успѣха всѣхъ этихъ безчисленныхъ популяризацій матеріализма, позитивизма, эволюціонизма и проч., кроется въ демонстративномъ освобожденіи личности отъ нравственныхъ путей долга, совѣсти, религіи, общественныхъ законовъ и обычаевъ,—освобожденія, владѣющаго страшно-притягательной силой для всякой слабой воли, лѣнливой совѣсти, мертваго, апатичнаго равнодушія...

Послѣднимъ словомъ гуманитарныхъ наукъ является детерминизмъ. Въ то время, какъ серьезное богословское и вообще нравственно-религіозное чтеніе—невольнo и естественно наталкиваетъ человѣка на непримиримую борьбу съ собственными страстями и недостатками, заставляетъ глубже всматриваться въ свою душу, строже относиться къ своимъ поступкамъ и дѣйствіямъ,—псевдо-научный детерми-

низмъ, напротивъ того, всецѣло оправдываетъ косность и бездѣятельность воли, развращенность ума и сердца, легкомысленное пренебреженіе вопросами религіи и нравственности... „Че-

ловѣка, дескать, создаютъ извѣстные условія,—чѣмъ же онъ виноватъ?“— Очень любить человѣкъ сваливать свою вину хотя-бы на отвлеченныя концепціи, вродѣ детерминизма!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

Учит. *Стефанъ Нозубовскій.*

ЖААЕНЬКІЕ ПЯАОЖНИКИ.

Много мнѣ приходится видѣть богомольцевъ, посѣщающихъ святыни нашего Ростова Великаго. Много ихъ стекается сюда и весною, до начала полевыхъ работъ, и осенью, послѣ ихъ окончанія. Но недавно я встрѣтилъ необычныхъ паломниковъ, о которыхъ мнѣ и хочется сказать нѣсколько словъ.

Было это 6-го Ноября минувшаго года. Придя въ соборъ къ вечернѣ, я замѣтилъ у старостинскаго ящика двухъ мальчиковъ, одѣтыхъ въ черныя, на ватѣ, поддевки и валеные сапоги; за спиной у каждаго изъ нихъ виднѣлась небольшая котомка, а въ рукахъ были палки. Мальчики разговаривали съ церковнымъ сторожемъ и о чемъ-то спрашивали его.

— „Какъ-же вы дошли?“ разлышалъ я вопросъ сторожа.

— „Понемножку дошли“, отвѣчала одинъ изъ мальчиковъ.

Это заинтересовало меня и я подошелъ поближе къ разговаривающимъ.

— „Вотъ, батюшка“, сказалъ мнѣ сторожъ: „посмотрите, какіе малыши, а пришли сюда издалека, версть за 50, а то и больше“.

— „Откуда вы?“ спросилъ я мальчиковъ.

„Изъ Владимірской губерніи“.

Въ это время начался благовѣсть, и мальчики поспѣшили на колоколь-

ню—посмотрѣть на всемъ извѣстные, знаменитые колокола нашей колокольни и послушать ихъ гармоничный и прекрасный звонъ. Мнѣ поневолѣ пришлось прервать свой разговоръ съ мальчиками, но они такъ заинтересовали меня и такъ мнѣ сразу понравились, что я рѣшилъ зазвать ихъ послѣ вечерни къ себѣ, напоить чаемъ и разспросить объ ихъ путешествіи.

Въ концѣ вечерни я пошелъ разыскивать моихъ новыхъ знакомцевъ. Они стояли рядкомъ въ одной изъ арокъ собора, положивъ на скамеечку свои котомки, и, преклонивъ колѣни, усердно и истово молились. Когда служба кончилась, я подошелъ и пригласилъ ихъ къ себѣ. Мальчики охотно согласились, тотчасъ же надѣли свои котомки и пошли за мной. Дорогой я спросилъ ихъ, всемъ ли святынямъ собора они поклонились. Одинъ изъ мальчиковъ перечислилъ мнѣ имена почивающихъ въ соборѣ угодниковъ и сказалъ, что они всемъ имъ поклонились и ко всемъ приложились.

Приведя дѣтей на квартиру, я велѣлъ имъ раздѣться и усадилъ за столъ, гдѣ кипѣлъ уже самоваръ. Когда они попили чаю и закусили, я началъ свои разспросы. Оказалось, что оба мальчика пришли изъ деревни Щукова, Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда; оба они были дѣти

крестьянъ и по годамъ ровесники (каждому шель 14-й годъ); одного звали Яковъ Кротовъ, другою—Семень Птицынъ. Кротовъ былъ живой, красивый мальчикъ, охотно и толково отвѣчавшій на все мои вопросы; Птицынъ больше молчалъ и сидѣлъ, стыдливо склонивъ голову.

— „Онъ плохо говоритъ, косноязыченъ“, объяснилъ его молчаніе Кротовъ, не стѣняясь присутствіемъ товарища.

— „Какъ же это вы надумали идти сюда?“ спросилъ я мальчиковъ.

— „Мы давно собирались“, отвѣтилъ Кротовъ: „отъ насъ многіе ходятъ сюда, захотѣлось и намъ. Еще весной мы сговаривались, что какъ придемъ осенью съ работъ, такъ и пойдемъ въ Ростовъ молиться Богу“.

— „Какія же у васъ работы?“

— „Плотники мы. Отцы наши далеко ходятъ работать, берутъ и насъ съ собой“.

— „Что же вы можете дѣлать въ плотникахъ, вонъ вы какіе еще малыши?“

— „Чтозаставятъ: то бревна чистимъ, то наличники строгаемъ,—дѣла найдется. У насъ все ребята, какъ только кончатъ школу, уходятъ съ большими на работу, сперва съ великаго поста до Петрова дня, а потомъ съ Успенья до Покрова,—понемногу и пріучаются“.

— „А вы учились въ школахъ?“ спросилъ я, услышавъ рѣчь о школахъ.

— „Какъ же, учились и курсъ кончили, мнѣ выдали свидѣтельство и похвальный листъ, а ему“, указавъ Кротовъ на товарища,—„одно свидѣтельство. Мы вмѣстѣ все время и учились, вмѣстѣ и на работу ходимъ“.

— „А какая у васъ школа и гдѣ?“—

— „Церковно-приходская въ погостѣ Благовѣщенскомъ, версты три отъ нашей деревни. Священникъ у насъ

отецъ Евгеній, онъ училъ насъ Закону Божию, а учителя были разные“.

Далѣе Кротовъ разсказалъ, что законоучитель, отецъ Евгеній, не разъ на урокахъ говорилъ о святыхъ мѣстахъ и совѣтовалъ дѣтямъ, когда выростутъ, посѣтить ихъ. Какъ видно, это доброе сѣмя, засѣваемое священникомъ, падало на добрую почву и вотъ, какъ результатъ этихъ уроковъ, явилось у учениковъ отца Евгенія стремленіе помолиться святымъ угодникамъ, хотя бы только пока въ нашемъ Ростовѣ.

Кротовъ передавалъ, что сходить въ Ростовъ собирались не одни они, а и другія дѣти; однако идти рѣшились только онъ да Птицынъ,—прочія же побоялись дальней дороги.

— „А вы развѣ не боялись?“ спросилъ я Якова.

— „Мы привычны: съ плотниками ходимъ иногда и дальше“.

Родители не удерживали мальчиковъ, напротивъ,—они даже поощряли ихъ на это доброе дѣло и безъ всякой боязни отпустили ихъ.

— „Собрались мы скоро“, разсказывалъ Яковъ Кротовъ: „отецъ далъ мнѣ на дорогу 20 коп., а Птицыну—только 17 коп., матери испекли намъ по два прѣсныхъ пирога съ картофелемъ и дали немного хлѣба... Все это съ вечера связали мы въ свои котомки, а утромъ часовъ въ 8, простившись съ родными и помолившись Богу, вышли изъ своей деревни и направились по дорогѣ къ Ростову. Идти пришлось все время однимъ, только навстрѣчу намъ попадались иногда знакомые плотники, возвращавшіеся съ работъ. Дорога намъ была незнакома, приходилось постоянно спрашивать; однако, мы нигдѣ не сбились и въ первый день прошли болѣе 30 верстъ. На ночлегъ пустили насъ

въ одной деревнѣ и передъ сномъ даже немного покормили. На другой день мы встали рано и пошли опять. Было холодно. Въ селѣ Якимовскомъ зашли мы въ чайную лавку и погрѣлись чайкомъ, доѣли и данный изъ дома хлѣбецъ. Остались у насъ одни только скромные пироги, а день то былъ постный. Пошли мы дальше, думали, дойдемъ до Ростова и безъ ѣды, но, дойдя до Угодичъ, опять захотѣли поѣсть. Что дѣлать? Покупать хлѣба,—денегъ жалко, и такъ ихъ у насъ немного, а ѣсть въ постный день скромное—Боже, избави!.. Вѣдь мы на богомолье идемъ! Подумали-подумали, да и пошли по домамъ, попросили Христа ради хлѣбца, имъ и закусили немного. Передъ вечернями были уже въ Ростовѣ и прямо пришли къ собору“.

— „Долго ли же вы здѣсь пробудете?“

— „Да побудемъ, намъ не велѣли торопиться, велѣли вездѣ побывать“.

— А гдѣ же вы ночуете?— „Не знаемъ еще... Говорятъ, здѣсь какой то Алексѣй Ивановичъ принимаетъ странниковъ, онъ около вокзала живетъ, пойдемъ къ нему. А не пустить,— гдѣ нибудь ночуемъ“. Мнѣ стало жаль ребятокъ и я оставилъ ихъ ночевать у себя, предоставивъ въ ихъ распоряженіе кухню съ жарко натопленную печью. Мальчики поблагодарили меня, охотно согласились остаться и, забравшись на печь, вскорѣ уснули крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ.

На утро я рано разбудилъ своихъ гостей и они отстояли со мной въ соборѣ утреню и раннюю обѣдню, а за позднюю отправились въ Спасо-Яковлевскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи ревнителя православія—Святителя Димитрія.

Возвратились дѣти ко мнѣ уже че-

резъ двѣ noci и рассказали, что они побывали кромѣ Спасо-Яковлевскаго монастыря еще въ Варницкомъ, на мѣстѣ родины преподобнаго Сергія. Въ этихъ монастыряхъ они и ночевали. Но ночлегъ въ Варницахъ мальчикамъ не понравился: тамъ имъ пришлось провести ночь гдѣ то на скотной; зато отъ перваго ночлега они были прямо въ восхищеніи.

Въ Яковлевскомъ монастырѣ ихъ зазвалъ къ себѣ какой-то добрый послушникъ. Узнавъ, откуда они пришли въ Ростовъ, и похваливъ ихъ за такое усердіе, онъ напоилъ ихъ у себя въ кельѣ чаемъ, принесъ имъ ужинъ и цѣлый вечеръ занимался съ ними.

— „Мы и читали у него и писали“, рассказывалъ Кротовъ: „Семень даже ему святыхъ рисовалъ. Онъ давно этимъ занимается и дома у нихъ вся изба оклеена изображеніями святыхъ, которыя нарисованы его руками“.

На прощанье послушникъ подарилъ имъ нѣсколько книжекъ о святыхъ Ростова и далъ даже марку, чтобы дѣти, придя домой, написали ему, благополучно ли они совершили обратный путь.

Я тоже далъ мальчикамъ нѣсколько книжекъ и заставилъ ихъ почитать. Читали они хорошо и толково. А Кротовъ кромѣ того показалъ мнѣ свою записную книжку, въ которой у него кратко, но со смысломъ было записано, гдѣ имъ удалось быть и что видѣть. Отдохнувъ немного, дѣти снова ушли въ Аврааміевскій и Петровскій монастыри, а потомъ, ночевавъ у меня еще ночь, побывали у Іоанна Милостиваго, у Исидора Блаженнаго,—и такимъ образомъ поклонились всѣмъ Ростовскимъ угодникамъ. Послѣдній день, передъ отходомъ изъ Ростова, дѣти провели у меня. Я сводилъ ихъ въ Бѣлую Палату, гдѣ

хранятся различныя древности, и черезъ одного учителя мѣстнаго духовнаго училища далъ имъ возможность присутствовать за чтеніями въ этомъ училищѣ и посмотреть туманныя картины. На утро я проводилъ юныхъ паломниковъ съ пожеланіями счастливаго пути. Они просто и сердечно благодарили меня за гостепримство и на прощанье подарили моей маленькой

дочкѣ двѣ пряничныя куклы, которыя они купили на свои крошечныя средства.

Милыя, хорошія дѣти! Дай Богъ, чтобы та любовь къ Церкви, которая привела ихъ сюда, не угасала съ годами и возрастомъ, а развивалась и крѣпла, принося такіе же добрые плоды!

Свящ. *Александръ Державинъ.*

ПИСЬМА С. Я. РАЧИНСКАГО КЪ Г. Я. ТОВАСТОВОУ.

(Продолженіе) ¹⁾.

35.

Татеву, 22 Янв. 1887 г.

Милый другъ Егоръ.

Какъ ты поживаешь? Какъ идутъ твои дѣла? Мои идутъ не особенно блистательно.

Лѣсъ на постройку въ Кулаковкѣ не вывозятъ. Завтра поѣду на заводъ, и, по совѣту о. Петра, заѣду къ Платону Николаевичу ²⁾ поговорить объ этомъ дѣлѣ.—Отецъ Никаноръ ³⁾—въ чахоткѣ, и надежды на выздоровленіе мало. Но здѣсь былъ на дняхъ о. Константинъ ⁴⁾, и по всему видно, что черезъ года два, три, у насъ будетъ два священника, такъ что мысль моя о постоянныхъ службахъ (всенощныхъ) въ Кулаковской часовнѣ—осуществима. Объ обращеніи въ церковь сей несуществующей часовни конечно говорить еще преждевременно.

Василій Алексѣевъ женился, и теперь вѣроятно уже въ Смоленскѣ.

¹⁾ См. № 11, 12, 13, 14 и 15.

²⁾ Крестьянинъ д. Вязовахи, бывшій старшиною.

³⁾ Кулагинъ, священникъ въ г. Бѣломъ, сынъ Татевского дьячка.

⁴⁾ Братъ о. Константина, нынѣ уѣздный наблюдатель ц. школъ.

Въ Покровкѣ открылось училище, и въ немъ 37 учениковъ. Въ Верховьѣ 18, изъ коихъ 8 раскольниковъ. И о. Андрей ¹⁾, и Богдановъ ²⁾ очень усердны, но неумѣлы до смѣшнаго. Училище по цѣнѣ (354 р.) весьма удовлетворительно.

У насъ все тихо и идетъ своимъ чередомъ. Готовимъ чтенія и пѣнія первой недѣли поста. Каждую пятницу выѣзжаю для посѣщенія моихъ училищъ, и возвращаюсь въ субботу вечеромъ.

Завтра у насъ происходитъ присоединеніе къ Православной Церкви взрослого Латыша, который въ воскресенье женится на православной Латышкѣ. Вообще, свадебъ у насъ множество.

Николя, какъ тебѣ извѣстно, продалъ *всѣ* свои картины и очень доволенъ моимъ предложеніемъ—подарить ему Давыдово. Я-же очень доволенъ этою моею выдумкою.

Открытіе Голощаповскаго училища отлагаю до осени. Священника все еще тамъ нѣтъ, а если вернется Се-

¹⁾ Священникъ села Верховья.

²⁾ Учитель Верховской школы.

ребряниковъ—лучше училища и не открывать. Обнимаю васъ всѣхъ. Какъ здоровье Семена? Что Ваня?

Да хранить тебя Богъ.

С. Рачинскій.

36.

Татево, 1 Апр. 1887 г.

Милый другъ Егоръ,

Ты конечно, получилъ мой отвѣтъ на предпоследнее твое письмо. Какой-же ты чудакъ, и какъ мало меня знаешь до сихъ поръ! Если-бы я былъ тобою недоволенъ, развѣ я сталъ-бы молчать? Пишу тебѣ рѣдко просто потому, что времени мало, а корреспондентовъ у меня куча. Вотъ сегодня отправляю на почту восемь писемъ.

Не могу скрыть отъ тебя, что меня огорчаетъ тройка Семена. Ради Бога, не забывайте, что я могу не сегодня—завтра умереть, что вамъ всѣмъ нужно какъ можно скорѣе стать на собственные ноги. Семену нужно удвоить вниманіе, чтобы стать и утвердиться въ рядахъ хорошихъ воспитанниковъ. Экзаменъ нынѣшняго года будетъ для него чрезвычайно важенъ, ибо на училищныя отмѣтки въ семинаріи мало обращаютъ вниманія.

Горбовъ совѣтуетъ тебѣ жениться. Да, ему хорошо говорить—у него отецъ—милліонеръ. Но пускай онъ прежде научить меня, какъ поставить васъ въ положеніе, въ коемъ бракъ былъ-бы возможенъ. Впрочемъ, Богъ милостивъ. Какъ нибудь, и безъ его помощи, рѣшимъ эту трудную задачу.

Вполнѣ понимаю, что тебѣ тяжело встрѣчать Свѣтлый Праздникъ въ посадѣ. Да, этотъ праздникъ нужно встрѣчать въ семьѣ, а ваша школа, какъ по всему видно, на семью не похожа.—У насъ все, Богъ дастъ, совершится обычнымъ порядкомъ. Школа полна поющихъ, и надѣмся все Пасхальное снѣтъ прилично. Погода

стоитъ отличная, и если такъ продолжится, площадка къ празднику будетъ суха. У насъ гостить и говѣеть Алексѣй Антоновичъ ¹⁾. Говѣютъ вторично и духовные мальчики.

Въ заводской школѣ предвидятся улучшенія. Елена Николавна выходитъ замужъ, и мы постараемся замѣнить ее—пѣвцомъ. Законоучителемъ, вмѣсто о. Матвея ²⁾, будетъ о. Григорій ³⁾, и тогда можно будетъ устроить въ школѣ еженедѣльные благолѣпныя службы.—И такъ, становится возможнымъ, что я доживу до полного (школьнаго) благоустроения своей *пархи*.

Да хранить васъ Богъ. Говорю вамъ всѣмъ, напередъ, Христосъ воскресе! Теперь недолго и до свиданія.

Любящій васъ С. Рачинскій.

37.

Татево, 9 Мая 1887 г.

Милый другъ Егоръ,

Сдается мнѣ, что всего удобнѣе было-бы тебѣ пріѣхать къ намъ съ Ванею тотчасъ по окончаніи твоихъ экзаменовъ. Въ Іюнѣ Ваню могутъ не отпустить, какъ говоритъ Николая (по похвальной вашей привычкѣ не писать другъ другу, вы уже упустили прекрасный случай отправить сюда Ваню—съ Николею). Что-же касается Семена, онъ обществомъ вашимъ пользоваться во время экзаменовъ не можетъ, и конечно прекрасно дождетъ одинъ. Стоитъ-ли вамъ двумъ кинуть двѣ недѣли въ ожиданіи его?

Дѣла лѣтомъ предстоитъ много, а время мало. Предполагается, въ срединѣ Іюня, школьный походъ въ Ни-

¹⁾ Рачинскій, помѣщикъ села Бобровки. Дядя С. А-ча.

²⁾ Рѣчь идетъ о школѣ села Городка. О. Матвѣй—священникъ.

³⁾ Священникъ села Покровка, по сосѣдству съ с. Городкомъ.

лову Пустынь. Мы конечно дождемся Семена, для коего это путешествіе, надѣюсь, будетъ очень полезно. Желательно-бы до похода кое-что сдѣлать.

Сашѣ скажи, что благодарю его за письмо, но что значительную его долю я не могъ разобрать (а я еще имѣю нѣкоторый навыкъ въ чтеніи рукописей—другіе въ его писаніяхъ не могутъ разобрать ни слова). Надѣюсь, что подъ неразобранными іероглифами не скрывается ничего, требующаго немедленнаго отвѣта.

Развѣзжаю по экзаменамъ, и утомленъ до нельзя. Экзамень въ Межеиникѣ былъ триумфомъ Михея.

Надѣюсь, что у тебя хватитъ денегъ, чтобы привезти себя и Ваню. Сашѣ и Семену успѣемъ выслать, сколько имъ нужно, что прошу тебя привести въ извѣстность.

Готовимся къ 11-му Мая. Погода чудная.

Да хранить васъ Богъ. Обнимаю васъ всѣхъ.

С. Рачинскій.

38.

Татево, 31 Іюл. 1887 г.

Милый другъ Егоръ.

Поздравляю тебя отъ души. Твое радостное письмо всѣхъ насъ обрадовало и развеселило. Слава Богу! Ты на порогъ жизни настоящей, Богу угодной и людямъ полезной ¹⁾. Лучшаго для тебя я ничего не могъ желать.

У насъ все по старому. Учимъ и учимся. Николая пишетъ успѣшно, Ваня прекрасно скопировалъ свою икону; работа Семена также принимаетъ видъ благообразный.

Старуха Извѣкова ²⁾ скончалась, но Елена Александровна остается при

Тарховской школѣ, и на содержаніе ея еще на годъ Богъ послалъ средства. Съ будущей же осени (1888 г.) мнѣ обѣщаютъ назначить ей постоянное содержаніе отъ земства.

Для Травина ¹⁾ мечтаю о знакомомъ тебѣ Лебедевѣ. Ему послано предложеніе: не знаю, согласится-ли.

Титъ былъ здѣсь и купилъ себѣ (около Давыдова и въ Березовскомъ приходѣ) около 150 десятинъ земли. Нужно еще поселить въ Глуховскомъ приходѣ Ваню и тогда приходъ этотъ станетъ вполне художественнымъ.

Вотъ и всѣ наши новости. Обнимаю тебя отъ души. Мой нижайшій поклонъ Ник. Ивановичу и Елис. Степановнѣ; Софѣ Михайловнѣ тысячу привѣтовъ.

Любящій тебя С. Рачинскій.

39.

Татево, 4 Сент. 1887 г.

Милый другъ Егоръ,

Прости мое долгое молчаніе. Тотчасъ по полученіи твоего послѣдняго письма, я послалъ нарочнаго съ письмомъ къ непремѣнному члену крест. присутствія, прося его помочь твоему дѣлу ²⁾. Но его не было въ Бѣломѣ, и отвѣта отъ него еще не получилъ. Продолжаю надѣяться, что все уладится, какъ уладилось для Степаненкова ³⁾, который былъ точь въ точь въ такомъ-же положеніи, какъ ты.

У насъ великое горе. У Владиміра Александровича снова ракъ—вторая операція невозможна, и мы должны готовиться къ худшему.

Передай мой нижайшій поклонъ Софѣ Михайловнѣ и Субботину. Передъ обоими я въ долгу, но они пой-

¹⁾ Село, имѣніе Догановскихъ.

¹⁾ Писано по случаю опредѣленія меня въ діакона. Г. Т.

²⁾ Помѣщица с. Тархова.

²⁾ По дѣлу объ увольненіи изъ податнаго сословія.

³⁾ Священникъ села Костриць.

муть, что мнѣ теперь трудно писать сколько-нибудь путныя письма.

Да хранить тебя Богъ.

Любящій тебя С. Рачинскій.

40.

Татево. 22 Сент. 1887 г.

Милый другъ Егоръ.

Дѣло твое не устроилось до сихъ поръ потому, что нашъ непремѣнный членъ всю вторую половину лѣта обрѣтался въ бѣгахъ. Изловленіе его было поручено мною Алексѣю Петровичу, и вотъ извѣстія, полученныя мною третьяго дни. Нужныя бумаги готовы къ отправленію въ Смоленскъ, недоставало только подписи Энгельгарта ¹⁾, а его ожидали въ Бѣлой къ вчерашнему дню. И такъ надѣюсь, что сегодня или завтра онъ будутъ отправлены по назначенію, и что въ скоромъ времени препятствій къ твоему посвященію не будетъ.

Тяжело писать о томъ, что дѣлается въ Татевѣ. Состояніе Владиміра Александровича все ухудшается—надежды никакой. Я живу въ домѣ. Школьныя мои дѣла страдаютъ. Ожидаю на дняхъ Лебедева. Авось съ его помощію удастся устроить на нынѣшнюю зиму Татевскую школу. Мнѣ правильно учить въ ней будетъ невозможно.

У насъ живетъ молодой врачъ, присланный Склифасовскимъ. Онъ оказался новобрачнымъ, и мы позволили ему выписать сюда свою молодую жену, которая и прибыла къ намъ вчера.

Погода стоитъ ужасная. Николая отправился въ Шоптово и долженъ вернуться сегодня. Боюсь за его руку: онъ крайне неостороженъ, дороги скользки и размыты дождями.

Ваня получилъ отъ Извѣковыхъ за копію съ старинной иконы 30 р.

На заводѣ строится помѣщеніе для службъ—зародышъ будущей церкви.

Да хранить тебя Богъ. Обнимаю Сашу и Семена.

С. Рачинскій.

41.

Татево, 15 Окт. 1887 г.

Милый другъ Егоръ.

Сегодня я вернулся изъ Бѣлаго. Видѣлъ я Энгельгарта, который сказалъ мнѣ, что еще въ первой половинѣ Сентября отправленъ имъ въ Смол. Казенную Палату документъ, нужный для окончательнаго твоего увольненія изъ крестьянскаго общества. Въ чемъ же теперь заключается задержка, препятствующая твоему посвященію? Имѣешь ли ты о своемъ дѣлѣ какія-либо вѣсти изъ Смоленска? Къ сожалѣнію, близкихъ знакомыхъ у меня тамъ нѣтъ, такъ что тамъ хлопотать о тебѣ не имѣю средствъ.

У насъ продолжается все то же безотрадное положеніе. Страданія несчастнаго брата не уменьшаются—да на уменьшеніе ихъ нѣтъ никакой надежды. Но болѣзнь не принимаетъ до сихъ поръ того быстрого теченія, которое предсказывали врачи. Пока могу ночевать въ училищѣ—но хожу обѣдать въ домъ, чтобы сколько-нибудь поддержать нашихъ старухъ. Мое здоровье также все слабѣетъ. Принимаю мышьякъ, и отдыхъ послѣ обѣда становится необходимымъ.

По счастью, я въ Лебедевѣ приобрѣлъ настоящаго помощника—ревностнаго, талантливаго. Онъ уже отвоевалъ Законъ Божій въ двухъ группахъ у о. Петра, и кромѣ того ведетъ старшую группу и дѣлаетъ многое другое.

О предстоящей свадьбѣ Кузьмы наконецъ объявлено официально. Будетъ она въ началѣ Января. Невѣсты его я не знаю, и не нравится мнѣ ея

¹⁾ Упомянутый выше непремѣнный членъ.

родня, ея кабацкое воспитаніе. Но я радъ, что дѣло наконецъ сладилось, ибо проволочки совершенно измучили Кузьму, и я начиналъ серьезно опастись за его здоровье.

Еще не имѣю свѣдѣній о количествѣ учениковъ во всѣхъ моихъ школахъ. Въ Татевѣ новичковъ 17, всѣхъ учениковъ только 48 (по случаю устраниенія дѣвочекъ). Нынѣшнею зимою—при *всѣхъ* церквахъ нашего благочинническаго округа—школы.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о твоемъ дѣлѣ. Пора ему разрѣшиться. Промедленіе-же, задерживавшее его до сихъ поръ—быть можетъ—послужить въ твою пользу. Благодаря наставленіямъ о. Товіа¹⁾, ты съ самаго начала будешь служить хорошо, съ должнымъ спокойствіемъ и благолѣпіемъ.

Да хранить тебя Богъ. Передай мой сердечный привѣтъ Софьѣ Михайловнѣ. Обнимаю Сашу и Семена. Алекс. Ивановичъ въ восторгѣ отъ подарка послѣдняго и съ своей стороны готовитъ ему книгу въ подарокъ.

Любящій тебя С. Рачинскій.

42.

Татевъ, 19 Ноябр. 1887 г.

Дорогая Софья Михайловна,

(Позвольте такъ назвать Васъ, какъ жену моего дорогого Егора).

Во первыхъ, поздравляю Васъ съ посвященіемъ Вашего мужа, о коемъ еще не имѣю извѣстій, но которое, судя по письмамъ Саши и Вани, должно было совершиться въ прошлую субботу.

Во вторыхъ, пишу Вамъ, а не ему, чтобы отъ души поблагодарить Васъ за Ваши попеченія о Ванѣ. Бѣдному мальчику необходимо приобрести нѣкоторыя элементарныя знанія; я въ этомъ отношеніи не могу сдѣлать для него ничего. И вотъ, Вы пришли ему на помощь, и руководите

его занятіями. Вы дѣлаете доброе дѣло, а мнѣ—оказываете величайшее одолженіе.

Надѣюсь, что будущимъ лѣтомъ, Вы съ мужемъ обрадуете насъ прїѣздомъ въ Татевъ. И такъ, говорю Вамъ—до свиданія, до личнаго знакомства.

Да хранить Васъ Богъ.

Преданный Вамъ С. Рачинскій.

43.

Татевъ, 26 Нояб. 1887 г.

Милый другъ Егоръ,

Отъ души поздравляю тебя. Наконецъ-то! Теперь, только теперь со вѣсть моя относительно тебя спокойна—ибо продолжаетъ она мучиться относительно всѣхъ твоихъ товарищей, учительствующихъ безъ опредѣленныхъ видовъ на болѣе прочное положеніе. А такихъ учителей нужно творить еще и еще! Уже не сверхъ-ли моихъ заслугъ надѣюсь я на милость Божію? А вѣдь начатое дѣло бросать нельзя. Дай только Богъ силъ исполнять его лучше, чѣмъ до сихъ поръ.

Пока, ты знаешь, всѣ мои школьныя дѣла въ застоѣ. Нужно много быть въ домѣ, отлучаться для обзора прочихъ школъ почти невозможно. Страшная болѣзнь брата развивается неумолимо и каждый день приближаетъ насъ къ недалекому концу...

Боюсь, что посвященіе и т. д. стоило тебѣ много денегъ. Сведешь-ли ты концы съ концами?

Надѣюсь, что ты опишешь мнѣ свое первое служеніе въ Домѣ Призрѣнія, а спустя нѣкоторое время, расскажешь мнѣ подробно, какъ сложилась твоя новая жизнь. Еще разъ благодарю и тебя, и Софью Михайловну за Ваши попеченія о Ванѣ. Обнимаю тебя отъ души. Да хранить тебя Богъ.

С. Рачинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Лаврс. архидіакона. Нынѣ—архимандрита.

ПРИЧАЩЕНІЕ ДѢТЕЙ¹⁾.

акъ всегда трогаетъ насъ причащеніе школьниковъ милыхъ!
 Отроки—предъ алтаремъ святымъ; юноши стройно за ними;
 Далѣе—словно цвѣтникъ—рядъ дѣвочекъ чистыхъ и скромныхъ,
 Руки скрестивъ на груди, онѣ взоры къ землѣ опустили:
 Прямо предъ ними—Спаситель, терновымъ вѣнцомъ осѣненный;
 Сладко—молиться Ему: Онъ молящихъ дѣтей не отринетъ...
 Пастырь, въ ризѣ священной, ихъ кроткій, маститый наставникъ,
 Тихо изъ Царскихъ дверей съ драгоценною Чашей выходитъ,
 Смотритъ на дѣтокъ и вслухъ произноситъ молитву святую:
 „Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко воистинну
 „Ты—Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшный
 „Всѣхъ насъ помиловать“.... Дѣти святыя слова повторяютъ...
 Кончивъ молитву, они приступаютъ къ Спасительной Чашѣ,
 Другъ за другомъ, словно ихъ ангелы тихо подводятъ,—
 Пастырь имъ всѣмъ раздѣляетъ святѣйшія Тайны Христовы,—
 Въ свѣтлыхъ очахъ у причастниковъ юныхъ сверкаютъ слезинки,
 Въ души ихъ вдругъ проникаетъ трепеть блаженный и сладкій.
 Тихо отходятъ они съ умиленіемъ въ лицахъ и взорахъ;
 Матери ихъ поздравляютъ, и сами отъ радости плачутъ,
 Всѣ благодарно подъемяютъ очи къ Спасителю міра...

С. П.

24 Февраля 1903.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

ДВА ДРУГА.

Уторъ Попасный весь спрятался въ роцѣ вишневыхъ садочковъ. Одна маленькая церковь, какъ стражъ стоитъ на вершинѣ открытаго холма. Какъ ребенокъ къ матери къ ней прижалась церковная школа съ черною соломенною крышею. Отсюда разливается свѣтъ на нѣсколько хуторовъ, разсѣянныхъ по степи. Только изъ отдаленнаго хутора Станового у меня долгое время не было учениковъ. Но въ прошломъ году одинъ маль-

чикъ по имени Максимъ Коваль былъ съ матерью въ Попасномъ въ гостяхъ у Бабуцкихъ. Въ этомъ домѣ есть одинъ мой ученикъ. Онъ показалъ Максиму сумку съ нашитымъ краснымъ крестомъ, картинки въ книжкѣ Одинцова и прочиталъ про подвигъ купца Иголкина. Максимъ слушалъ съ раскраснѣвшими щеками. На обратномъ пути домой онъ заявилъ матери:

— Мамо, я пойду въ школу.

¹⁾ Нѣкоторыя выраженія заимствованы изъ шведскаго писателя, епископа *Исаи Течнера* († 1846 г.)

— Чего тамъ не видалъ?

— Я съ ребятами книжки буду читать.

— Мы съ батькой прожили безъ книгъ, проживешь и ты.

— А можетъ я и Апостола въ церкви прочту.

— До Апостола много васъ охотниковъ, да не всякому счастье такое дается.

— А я буду стараться.

— Сиди лучше дома.

— Пусти, мамо.

— Да куда я тебя пущу, ты пропадешь доро́гой.

— Не.. не пропаду.

— Замолчи! Говори—не пущу, ну и не пущу.

Нѣсколько дней Максимъ ходилъ печальный, какъ будто въ воду опущенный. Раза два мать заставляла его за скирдами хлѣба на какихъ-то таинственныхъ совѣщаніяхъ съ другомъ Михайлой. При приближеніи матери маленькіе заговорщики разбѣгались въ разныя стороны. „Ужь не палить ли кого собираются,“ думала мать со страхомъ. Кромѣ того было замѣчено, что Максимъ собственноручно зашилъ дыру на шапкѣ, на которую раньше не обращалъ никакого вниманія и которую обратилъ было въ складъ для лѣсныхъ яблокъ и грушъ. Но вотъ въ понедѣльникъ утромъ 9 октября Максимъ еще до свѣта спрыгнулъ съ печи и началъ натягивать на себя новую свитку. Мать только что проснулась и съ удивленіемъ смотрѣла на сына.

— Ты куда?

— Я пойду въ школу.

— Погоди—встану, я тебѣ дамъ школу.

— Я къ обѣду прийду.

— Не смѣй!

— Пойду.

— Да тебя собаки разорвутъ.

— Я ихъ палкой.

— А я тебя какъ возьму за волосъ, такъ ты будешь знать, какъ не слушать мать.

Максимъ схватилъ шапку и, не заворивъ даже дверей, выскочилъ на улицу: Садами и огородами онъ прошелъ къ тому двору, гдѣ жилъ Михайло. Укрывшись свиткою, тотъ сладко спалъ подъ сараемъ на повозкѣ. Максимъ сдернулъ съ него свитку, ткнулъ кулакомъ раза два въ бокъ и заставилъ приподняться. Вздрагивая отъ утренняго холода, Михайло съ ожесточеніемъ началъ протирать глаза и чесать свою голову.

— Да вставай же, скорѣй вставай, торопилъ его Максимъ.

— Зачѣмъ?

— Въ школу пора.

— Нехай завтра.

— Дуракъ.

— Самъ дуракъ. Чего ты ко мнѣ присталъ?

— А ты вставай.

Такимъ образомъ Михайло принужденъ былъ натянуть штанишки. Скоро два друга съ палками въ два раза болѣе ихъ самихъ направились по дорогѣ въ Попасный.

Я сидѣлъ за чаемъ, какъ дверь въ школу отворилась. На порогѣ показались два мальчика. Меньшій хотѣлъ было застрять въ сѣняхъ, но старшій вытащилъ его оттуда за рукавъ. Мальчики перекрестились на иконы и поклонились мнѣ.

— Будьте здоровы.

— Спасибо. Что нужно?

— Мы къ Вамъ.

— За какимъ дѣломъ?

— Хотимъ научиться книжки читать.

— А вы сами откуда?

— Мы изъ Станового.

— Изъ Станового? Чтожь вы въ школу ходить будете?

— Будемъ.

— А батька гдѣ жь вашъ?

— Мой въ слободѣ, а Михайловъ давно померъ.

— А мать чего же не пришла съ вами?

— Мы уткли.

— Та-а-къ-съ. А почему васъ не пускали?

— Далеко, говорить. И изъ Станового никто въ школу не ходить.

— А вы каждый день будете ходить?

— Каждый.

— Ну раздѣвайтесь. Давайте вмѣстѣ чаю напьемся.

— Мы и такъ побудемъ.

— Буде разговаривать, садитесь.

Мальчики отъ смущенія переминались съ ноги на ногу. Младшій во все время разговора молча сопѣлъ носомъ. Я отобралъ у нихъ палки и усадилъ ихъ за столъ. За чаемъ мы скоро подружились. Между прочимъ я имъ посовѣтывалъ испросить у родителей благословеніе на посѣщеніе школы.

Къ моему удивленію мои новые ученики были для всей школы примѣромъ исправности. Они не пропустили ни одного дня. Они вставали чуть свѣтъ, надѣвали сумочки и съ мѣшочками въ рукахъ, гдѣ у нихъ лежали харчи, отправлялись въ школу. Ихъ не могли остановить ни грязь, ни морозъ. Часто они приходили насквозь промоченные осеннимъ дождемъ и застывшіе отъ холоднаго вѣтра. Миша при этомъ былъ похожъ на мокрую курицу и проливалъ обильныя слезы, но Максимъ держался мужественно и только усиленно сопѣлъ носомъ да толкалъ въ бокъ своего раскисшаго товарища. Въ

такихъ случаяхъ я живо стаскивалъ съ нихъ мокрая свитки, облачалъ ихъ въ свою шубу и халатъ и согрѣвалъ ихъ чаемъ, или кормилъ горячимъ супомъ. Разъ они явились ко мнѣ въ такомъ жалкомъ видѣ, что я не удержался, чтобы не сказать: „И чего ты, Максимъ, поперся въ школу, когда видѣлъ, что идетъ дождь?“

— Ничего. Мы привычны, отвѣчалъ Максимъ, весь дрожа, какъ осиноый листъ. Вотъ только Мишка чего-то плачетъ. Вы бы ему дали чаю.

— Чаю я ему дамъ, но не смѣй въ плохую погоду выходить изъ дому. Пропадешь за ничто.

Уже чувствовался запахъ Рождественскаго праздника. Была ровно середина Декабря. Утро стояло пасмурное. Отовсюду надвигались темно-сѣрыя тучи. Трещалъ морозъ. Порывистый вѣтеръ вздымалъ кучи сухого снѣгу и гналъ его по полю. Въ нашей ветхой школѣ и темно и холодно. Ребятишки сидѣли въ шубахъ, печально уткнувъ въ книгу свои носы. Я въ старомъ пальто и валенкахъ расхаживаю по классу. Нѣтъ обычнаго школьнаго оживленія. Окна, покрытыя толстымъ слоемъ снѣговыхъ узоровъ, едва пропускаютъ слабую полосу свѣта. Печально въ природѣ, тоскливо и на душѣ. Порѣдѣли ряды моихъ школьниковъ. Не хватаетъ половины. Вижу, нѣтъ и Максима. Гдѣ онъ? Остался ли дома, или въ полѣ безпомощно борется съ свирѣпою вьюгою? Я подхожу къ окну и стараюсь хотя что-нибудь разсмотрѣть на улицѣ. Постепенно темнѣло. Сначала рѣдко, а потомъ гуще и гуще повалилъ сильный снѣгъ. Въ школѣ почти мракъ. Сердце болѣзненно заныло. Я обратился къ ребятамъ и сказалъ:

— Какъ вы думаете, пошелъ нашъ Максимъ или нѣтъ?

— Должно пошелъ.

— А можетъ нѣтъ?

— Нѣтъ, пошелъ.

— Да вѣдь буря?

— Съ утра не было.

— Такъ вѣтеръ былъ.

— Вѣтромъ его не испугаешь.

— Да-а... Не испугаешь.. Прорычалъ Вакула, я и то насилу дошелъ.

— То ты, а то Максимъ, спокойно замѣтила Маша. Нѣтъ, Тихонъ Александровичъ, должно пропадетъ нашъ Максимъ.

Губы у Маши задрожали и она заплакала.

— Тутъ ужъ я не выдержалъ.

— Потапычъ, крикнулъ я во все горло.

Изъ прихожей выскочилъ школьный сторожъ, старый Николаевскій служака.

— Чего изволите-съ?

— Сядь, голубчикъ, на коня да погоняй въ Становой. Можетъ нашихъ ребятъ по дорогѣ встрѣтишь.

— Они въ эту погоду не пойдутъ.

— Ты всё таки узнай: дома они, или нѣтъ?

— А гдѣжь имъ быть какъ ни дома? Кто ихъ пуститъ въ такую мятель?

— Съ утра метели не было.

— Все равно не безпокойтесь, я знаю, наши хлопцы сидятъ себѣ на печи.

— Но ты все таки узнай навѣрняка. Максимъ дуже исправный. Боюсь, что пошелъ.

— Голову снимете, если пошелъ.

— Не нужно мнѣ твоей головы. Лучше съѣзди.

— Да куда жъ я поѣду, когда дороги не видать?

— Чтожь ты метели боишься, а еще герой!

— Ну-ну не ругайтесь, поѣду, только знаю, что пропаду.

— Не бось не пропадешь. Дорога по яру. Валяй! Сколько угодно водки потомъ пей!

— Э-э-хъ! Ради васъ только поѣду. Можетъ и вправду водки дадите.

— Дамъ, дамъ. Скорѣй только, голубчикъ!

Потапычъ зачесалъ затылокъ и вышелъ. Черезъ пять минутъ въ свиткѣ по верхъ шубы онъ уже выѣхалъ верхомъ на своемъ косматомъ буланкѣ.

Томительно потянулось время. Занятія не ладились. Мы поминутно заглядывали въ окна и тихо между собою переговаривались. Метель какъ-будто бы начала стихать. Къ школѣ подскакалъ Потапычъ и съ нимъ какой то парень. Бросивъ у крыльца запыхавшихся коней и слегка отряхнувъ въ сѣнцахъ снѣгъ, они быстро вышли въ школу.

— Максимъ тутъ?

— Нѣтъ нѣту.

— И дома нѣту. Вотъ его братъ. За селомъ встрѣлись.

— Чтожь теперь дѣлать?

— На всё воля Божія. Пропалъ, видно, хлопецъ.

Я похолодѣлъ отъ ужаса. Какъ? пропалъ Максимъ?

— Сейчасъ валяй къ старостѣ. Пускай гонитъ народъ. Мигомъ! Скажи, губернатору напишу.

— Чичась.

Потапычъ исчезъ.

— Ребята, обратился я къ школѣ. Нашъ Максимъ замерзаетъ. Бѣгите, собирайте отцовъ. Васъ много и вы живѣе старосты оборотитесь.. Тутъ голось мой пресѣкся.

Какъ ночь потемнѣли ясныя личики моихъ ребятъ. Хватая на ходу первую попавшуюся шапку и на ходу надѣвая свитки, они повыскакивали изъ школы и рассыпались во всѣ стороны.

Не успѣлъ я приготовиться къ дорогѣ и купить въ лавкѣ бутылку водки, какъ возлѣ школы уже стояло около пятнадцати душъ крестьянъ и около нихъ вертѣлись мои школьники. Я вскочилъ на коня Потапыча и мы толпою потянулись по дорогѣ въ Становой. За селомъ насъ догнало еще нѣсколько человекъ. Вѣтеръ смель съ горъ почти весь снѣгъ и лошади по брюхо вязли въ сугробахъ. Я ѣхалъ немного впереди и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы рядъ крестьянъ захватить весь довольно узкій яръ и ощупывалъ лопатами каждый снѣговой бугоръ. Всѣ чувствовали, что дѣло идетъ о человѣческой жизни и, ныряя по сугробамъ, живо подвигались впередъ. Я нетерпѣливыми глазами окидывалъ еще непройденное пространство. Но что это? Впереди возлѣ подсолнечной вѣхи стоять воткнутыя въ снѣгъ двѣ палки. Я узналъ палки моихъ учениковъ. Изъ всѣхъ силъ я сжалъ бока моего пузатаго коня, задергалъ поводьями и вотъ я у вѣхи.

— Сюда, ребята, сюда! Вотъ наши хлопчата!

Меня услышали. Ко мнѣ спѣшать. Я руками разрываю снѣгъ. Максимъ неподвижно лежалъ, натянувъ на самые глаза трехую шапку. Полами свитки онъ обвернулъ Мишу и прижималъ его къ своей груди. Согрѣтый теплотою друга Миша былъ похожъ на только что уснувшего человека, Максимъ находился въ забытьи. Я влилъ ему въ ротъ водки и почувствовалъ, что теплота стала разливаться по его жиламъ. Мы закутали ребятъ въ шубы и посѣшили въ Попасное. Нѣкоторое время продержали ихъ въ холодныхъ сѣнахъ, гдѣ еще дали водки. Ребята отошли. Тогда ихъ перенесли въ школу и положили на полу на расосланной шубѣ. Максимъ

повернулъ къ Михайлѣ свое раскраснѣвшееся лицо и спросилъ:

— Ты живъ, Миша?

— Кажись живъ, отвѣтилъ Михайло, сопя носомъ.

Свѣтлая улыбка радости разлилась по лицу Максима и такая свѣтлая, что и у насъ свѣтло и радостно стало на душѣ. Крестьяне смотрѣли на дѣтей разтроганными глазами.

— Ишь друзьяки! сказала взволнованный староста.

— Водой не разольешь.

— Какъ мать дытыну обвернулъ Мишку...

Въ воскресенье послѣ обѣдни въ школу вошелъ Степанъ Коваль, высокій и плотный мужикъ. Онъ поздравилъ меня съ праздникомъ и подалъ просфору. Сзади мужика стояла его жена съ завернутымъ въ платокъ пѣтухомъ, а рядомъ съ нею мой Максимъ въ новенькомъ полушубкѣ и новенькою смушковой шапкою въ рукахъ. Коваль оглянулся на бабу. Та подошла ко мнѣ и положила пѣтуха у моихъ ногъ. Пѣтухъ встрепенулся, взмахнулъ крыльями и перелетѣлъ черезъ мою голову прямо къ окну. Онъ едва не повыбилъ всѣхъ стеколъ. Всѣ кинулись ловить молодого забяку и вязать ему крылья и ноги.

— Это вы мнѣ пѣтуха принесли? спросилъ я у бабы.

— Вамъ, Александровичъ, Вамъ. Можетъ мясца когда захочется, скажите Потапычу, онъ зарѣжетъ.

— А если кашки пожелаете, такъ я пшеница вамъ тутъ привезъ.

Коваль вытащилъ изъ сѣней мѣшокъ пшеницы.

— За что?

— За вашу доброту. Не прогнѣвайтесь, если что не такъ. Спасибо, что жалѣете хлопца. Вѣкъ за васъ Бога будемъ молить.

И Коваль повалился мнѣ въ ноги. За нимъ растянулась на полу и его супруга. Я кинулся ихъ поднимать.

— Встаньте, господа! грѣхъ! Богу одному нужно кланяться.

Коваль хотѣлъ заставить поклониться мнѣ и Максима, но вмѣсто этого я обнялъ его и разсѣловалъ.

Я подсыпалъ въ чайникъ лишнюю щепотку чаю и угостилъ гостей до седьмого поту. При прощаніи Коваль отозвалъ Потапыча въ сторону и что то тихо шепнулъ ему на ухо. Потапычъ утвердительно кивнулъ головой и съ заискивающей улыбкой подошелъ ко мнѣ.

— Дозвольте, Александрычъ, съ человѣкомъ съѣздить на хуторъ. Дѣльце одно есть.

— Какое?

— Племянника надо повидать,—на счетъ земли переговорить.

— Валай, только къ вечеру чтобы былъ.

— Безпремѣнно.

Вечеромъ Потапычъ приползъ сильно „на веселѣ“ и началъ хвастать, что ему „Ягорія“ далъ самъ великій князь за то, что потопилъ у турокъ пушки. Эта исторія была давно мнѣ знакома. Я думалъ свою думу и не мѣшалъ Потапычу болтать. Оскорбленный моею невнимательностію онъ уже собирался убраться въ свою коморку, какъ я остановилъ его вопросомъ:

— А нельзя ли, Потапычъ, сдѣлать такъ, чтобы въ плохую погоду Становскіе мальчики не ходили домой?

— А какъ же это сдѣлать?

— Пускай тутъ ночуютъ. Мы купимъ одну суконную полсть, сдѣлаемъ

соломенные тюфяки и будемъ постилать ихъ на полу. Ужинъ будемъ варить въ грубкѣ¹⁾. Припасы у нихъ есть свои.

— А отъ начальства не влетитъ намъ по шеѣ?

— За что?

— А за самоуправство.

— Еще похвалятъ.

— Ну такъ дозвоьте и моему крестнику ходить въ школу. Страсть хочется малому.

— Ну такъ чтожь? Пускай ходитъ.

Теперь у меня изъ Станового семь мальчиковъ. Къ ихъ воспитанію я прилагаю особенное стараніе. Они должны расчислить мнѣ почву къ открытію въ Становомъ церковной школы грамоты. Съ дѣтьми мнѣ стало въ школѣ уютнѣе и веселѣй. За окномъ иногда бушуетъ вьюга. Тревожно звонитъ Потапычъ на колокольнѣ. А мы тѣсною кучкою сидимъ вокругъ стола и, оставивъ книги, прислушиваемся къ шуму бури. Мнѣ припомнился тотъ день, когда мои мальчики погребены были въ сугробѣ. Я положилъ на голову задумавшагося Максима руку и сказалъ:

— Ты хорошо тогда сдѣлалъ, что прикрылъ Мишу своей свиткой.

Максимъ вспыхнулъ и спокойно отвѣтилъ:

— Чтожь подѣлаешь, когда онъ плачетъ.

Я готовлю изъ Максима учителя для будущей Становской школы грамоты.

Учитель Т. Г—въ.

1) Небольшая печь.

ПОСЪВЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XVI.

Значеніе ремесленныхъ занятій въ школахъ.—Переpletное, иконописное, столярное, слесарное, кузнечное, токарное, сапожное и башмачное, малярное, портняжное, корзиночное, шеточное и др. ремесла.—Взглядъ народа на эти занятія.

Ремесленные занятія при школахъ, подобно сельскохозяйственнымъ (о которыхъ рѣчь была въ предшествующемъ №), весьма желательны при школахъ какъ одно изъ средствъ спасти силы *русскаго богатыря* отъ непроизводительнаго истощенія и безпощадно-корыстной эксплуатаціи всевозможными фабриками, а также всякаго рода безсовѣстными мастерами-монополистами, экономическое порабощеніе коими нашего деревенскаго населенія ничуть не меньше зло, чѣмъ фабрика и кулачество.

Изъ ремесленныхъ занятій наиболѣе сподручно и удобно въ школахъ переpletное мастерство. Главная цѣль обученія этому мастерству можетъ быть ограничена уже тѣмъ, чтобы при небольшой затратѣ на инструменты и матеріалъ будущій учитель или книжникъ могъ переpletать и чинить книги своей школьной или домашней бібліотеки, что не только дастъ возможность въ будущемъ сдѣлать нѣкоторыя сбереженія въ матеріальныхъ средствахъ, но и получать нѣкоторый заработокъ: книги для переплета или починки всегда найдутся: однѣ церкви могутъ дать ихъ достаточно. Для самой школы переpletное мастерство особенно необходимо и выгодно въ матеріальномъ отношеніи. Школьная бібліотека можетъ быть приведена и содержима всегда въ образцовомъ порядкѣ. Опытъ показываетъ, что изъ всѣхъ ремеселъ къ переpletному ученики относились съ наибольшею любовію и занимались имъ весьма охотно. Въ одной изъ Уфимскихъ школъ „многіе ученики часто работали до глубокой ночи и бывало, что нельзя ихъ уговорить пойти

спать, пока они не кончатъ того, что задано. Нѣкоторые вставали даже ночью съ постели, чтобы посмотреть, высохли ли книги, не нужно ли еще что нибудь подправить, подклеить или просто хотя взглянуть, какъ вышла книжка“. (Уфимскій отч. 1900—1901 г.). Въ Яблочинской школахъ (Холмско-Варш. Епархіи) „съ первыхъ дней вновь поступившіе ученики не могли отъ нетерпѣнія дожидаться того времени, когда ихъ начнутъ обучать переpletу книгъ, и постоянно приставали съ просьбами дать имъ первые уроки переpletнаго мастерства. Это обстоятельство дало возможность успешно соединить съ переpletными работами и чисто педагогическія цѣли. Когда прошла первая четверть, и успѣхи учениковъ болѣе или менѣе обозначились, тогда *лучшимъ* изъ нихъ были указаны первоначальные приемы. Менѣе успѣшные ученики были лишены права учиться переpletу до тѣхъ поръ, пока не окажутъ хорошихъ успѣховъ“. Они давали обѣщаніе учиться лучше, употребляли дѣйствительныя старанія“, только бы имъ позволено было переpletать книги. Но это разрѣшалось имъ лишь послѣ того, какъ замѣчались дѣйствительные успѣхи въ занятіяхъ по учебнымъ предметамъ. „Къ концу учебнаго года новопоступившіе въ школу воспитанники уже переплели всѣ учебныя книги, данныя имъ безъ переpletовъ, переpletали съ другими воспитанниками книги школьной бібліотеки, подѣлали себѣ книжки для замѣтокъ, нотъ и пр.“ (147 стр. Холмско-Варш. отчета 1899 г.).

„Заведеніе при церковныхъ школахъ

ремесленныхъ курсовъ, говорить Холмско-Варшавскій отчетъ (1897 г. стр. 25),—значительно улучшило бы быть мѣстныхъ крестьянъ и, хотя отчасти, освободило бы ихъ отъ *экономическаго порабощенія евреевъ*: въ настоящее время кузнечество, сапожничество, столярство почти исключительно въ рукахъ еврейскихъ, а плотничество и портняжество весьма несовершенны“.

Добрый и весьма крупный шагъ въ этомъ отношеніи уже сдѣланъ Бордиловскою школою, находящеюся въ завѣдываніи и существующею на средства все того же извѣстнаго и въ высшей степени симпатичнаго Лѣнинскаго монастыря. Большинство воспитанниковъ Бордиловской школы—сироты или дѣти безземельныхъ крестьянъ. Ихъ ожидала судьба отцовъ ихъ: поступить въ батраки чаще всего къ польскимъ помѣщикамъ. Въ виду этого Лѣнинская обитель устроила при школѣ ремесленные мастерскія, чтобы не только научать своихъ воспитанниковъ грамотѣ, но и дать имъ въ руки болѣе вѣрныя средства къ жизни. До 1897 года при означенной школѣ были только кузнечно-слесарная и переплетная мастерскія, затѣмъ устроилась столярная, потомъ—башмачная, и др.

Въ учебное время старшіе мальчики школы работаютъ въ мастерскихъ часа 1½—2 въ день: „больше нельзя, по заявленію завѣдующихъ: это отняло бы слишкомъ много времени отъ классныхъ занятій“. Такъ какъ этого количества времени далеко недостаточно для серьезнаго изученія ремесла, то старшіе ученики оставались на все лѣто при мастерскихъ и работали въ нихъ. Оставались лишь „безземельные“: тѣхъ, у которыхъ есть земля, школа старается не отрывать отъ нея, и на лѣто они обыкновенно отпускаются по домамъ, въ хозяйства своихъ родителей. Нечего и говорить, что крестьяне, особенно отцы дѣтей, учащихъ въ Бордиловской школѣ, относятся къ мастерскимъ ея съ большимъ

уваженіемъ. Они часто заходятъ туда, внимательно слѣдятъ за работой или осматриваютъ издѣлія и съ признательностію говорятъ: „ну, вотъ, слава Богу, что моего сына сюда взяли!“ Есть предположеніе обучать иконописи тѣхъ воспитанниковъ Бордиловской школы, которые обнаружатъ выдающіяся способности къ рисованію. *Иконописи* въ Лѣнинской школѣ обучаетъ *одинъ изъ псаломщиковъ* монастыря, а *другой псаломщикъ* руководитъ *кузнечно-слесарными* занятіями въ Бордиловской церкви-школѣ; *оба—знающіе свое дѣло мастера*.

Весьма утѣшительное впечатлѣніе даетъ, затѣмъ, Моложевская церковно-приходская школа, при общегитіи (Холмско-Варш.) которой на средства и заботы Вировскаго монастыря заведены ремесла: сапожное, столярное, токарное, кузнечное и слесарное. Обученіе имъ ведется весьма успѣшно: воспитанники шьютъ сапоги и башмаки подъ наблюденіемъ мастера, и починаютъ обувь, какъ въ свою школу, такъ и Вировскую. Въ столярной изготовляютъ, столы, полаты, табуреты, рамки, полки, дощечки для иконъ. Токарныя издѣлія уже довольно разнообразны: солонки, блюда, подвѣщники, ручки къ инструментамъ, ножамъ и вилкамъ. Кузнечное ремесло дало—самостоятельно приготовленные балки для Вировской школы, заклепы, задвижки и крючья. Въ слесарной дѣлаютъ ведра, кружки, части инструментовъ столярнаго и слесарнаго, молотки, ножи. Сами ученики лудили и чинили самовары и другую посуду. Кромѣ того ученики Моложевской школы плетутъ соломенники, вяжутъ рукавицы, рисуютъ подъ руководствомъ талантливаго живописца. Двое изъ учениковъ „стремятся скорѣй писать иконы“, и одинъ „набрасываетъ“ уже рисунки съ натуры. Въ школьныхъ мастерскихъ работаютъ „пока не на сторону, едва удовлетворяя нужды обители и тѣхъ же школъ“. Въ сапожной и башмачной мастерской „даромъ чинятъ обувь“

болѣе бѣднымъ односельчанамъ. (Холмско-Варш. отч. 1899 г. 149 стр.)

Весьма любопытно производились ремесленные занятія при Сѣдлецкой школѣ: съ разрѣшенія мѣстнаго воинскаго начальника, дѣти школы посѣщали мастерскія мѣстнаго лазарета, и тамъ, подъ руководствомъ опытныхъ солдатиковъ, занимались ремеслами сапожнымъ, столярнымъ и переплетнымъ. Старшіе мальчики посѣщали фельдшерскую школу, знакомились съ устройствомъ скелета и всего организма человѣка. (150 стр.).

Не мало утѣшительныхъ сообщений о процвѣтаніи ремесленныхъ занятій при школѣ даютъ Екатеринославскіе Отчеты.

Такъ, при *Петровской* школѣ (Павлоградскаго уѣзда) ученики обучались токарно-слесарному мастерству, подъ руководствомъ особаго мастера. Дѣло поставлено настолько хорошо, что была возможность исполнять крупныя заказы „на сторону“; такъ заказано было сдѣлать 40 партъ для Петропавловской школы, при чемъ работа была исполнена добросовѣстно и заказчики остались вполне довольны. При *Никитовской* школѣ (Бахмутскаго уѣзда) преподавалось такъ же столярное и токарное ремесло: работали колеса, кулаки для мельницъ, рамочныя ульи, столики, скамьи, табуреты, станки для выдѣлки кирпича, приготовлялись доски для иконъ, и пр. При другихъ школахъ той же епархіи упоминаются кузнечно-слесарныя занятія, портняжныя, сапожныя и переплетныя. Издѣлія съ успѣхомъ находили сбытъ среди мѣстнаго населенія, давая значительный заработокъ школѣ и юнымъ мастерамъ. Одна изъ школъ (Владиміровская, въ г. Екатеринославѣ) принимала всевозможныя сапожныя заказы, по особо печатаемымъ объявленіямъ. Образцы работъ этой школы были представлены для осмотра мѣстному Преосвященному и экзаменаціонной комиссіи во время экзаменовъ, при чемъ работа была единодушно признана чистою, изящною и вполне заслуживающею похвалы и поощренія (Отч. 1901 г.).

При Деревецкой школѣ (Маріуп. уѣзд.) той же епархіи съ подобнымъ же успѣхомъ работало кузнечно-слесарное отдѣленіе ученики могли сдѣлать здѣсь не только мелкія вещи гайку, винты, и пр., но и болѣе крупныя—натянуть шину на колесо, наварить ось, исправить и, какъ свидѣтельствуеетъ учитель, могли бы самостоятельно оковать бричку. Въ теченіи года, въ ремесленномъ классѣ, помимо мелкихъ работъ, оковано до 10 бричекъ, и выручено около 350 руб. Въ Любимовской и Котовской школахъ (Новомоск. у.) дѣти обучались кройкѣ и шитью деревенскихъ костюмовъ, подъ руководствомъ мастера-учителя, при чемъ работы учениковъ находили удобный сбытъ среди мѣстнаго населенія.

Любопытныя подробности для представленія успѣховъ нашихъ школъ въ ремесленныхъ занятіяхъ даетъ Пензенскій отч. (1900 г.). Въ Голицынской школѣ означенной епархіи прочно и успѣшно поставлено дѣло обученія токарно-столярному ремеслу. Недостатка въ инвентарѣ и матеріалахъ не было. Занятія производились ежедневно отъ 6—8 $\frac{1}{2}$ ч. у. и съ 2—3 дня подъ руководствомъ нанятаго мастера—инструктора, на обязанности котораго лежало распредѣлять занятія между учениками и слѣдить за работами, знакомить учащихся съ назначеніемъ того или другого инструмента и способами пользованія ими. Обучавшіеся уже второй годъ научились правильно строгать подъ угломъ, фуговать, вязать на шинѣ и соединять части несложныхъ подѣлокъ (швейный столъ, переплетныя станки, шкафы, комоды и т. п.); обучающіеся первый годъ довольно основательно усвоили приемы пилки, строганія, фуговки и связыванія частей несложныхъ издѣлій (табуретъ, столъ, рамки и т. п.). Кромѣ учениковъ школы, обучались еще трое изъ дѣтей мѣстныхъ крестьянъ, которые занимались по 8 часовъ въ сутки и достигали, конечно, значительно большихъ знаній, чѣмъ школьники. Кромѣ обученія ремеслу, ма-

стерь (лѣтомъ съ помощниками) обязанъ былъ исполнять заказы, коихъ поступало весьма много отъ Епархіального отдѣленія, земской управы, почтовой конторы, желѣзнодорожной станціи и частныхъ лицъ.

Не менѣ важные и разнообразныя успѣхи имѣли ремесленныя занятія въ школахъ Рязанской епархіи (отч. 1901 г.). Ремесленныя занятія здѣсь велись преимущественно при второклассныхъ школахъ въ послѣобѣденное время и исключительно были столярныя и переплетныя. Перваго рода занятія правильно велись при *Струпенской* школѣ вотъ уже 8 лѣтъ. Средства на занятія отпускаются *Зарайскимъ* земствомъ въ размѣрѣ 200 р., изъ которыхъ 175 платится столяру, а остальные идутъ на приобрѣтеніе матеріала и инструментовъ. Занимались ремесломъ ученики сравнительно физически крѣпкіе въ 4 смѣны по 1¹/₂ часа. Кромѣ учениковъ школы въ столярной работала и мальчики, кончившіе ученіе,—въ промежутки, когда школьники занимались въ классѣ. Школьники подъ наблюденіемъ учителя-столяра приучались работать различныя вещи, какъ-то: вѣялки, классныя шкафы и парты, гардеробы, столы, табуреты, фонари, ульи разборныя, и проч. Всѣ работы учениковъ охотно разсматривались почетными посѣтителями школы и получали одобреніе. Кромѣ столярнаго, въ школѣ введено и переплетное мастерство, которому отдавалось время съ 8¹/₂ ч. вечера и до 10 ночи ежедневно. Къ концу учебнаго года младшіе ученики могли переплетать книги небольшого размѣра въ коленкоровый корешокъ довольно удовлетворительно; а старшіе—вполнѣ самостоятельно переплетали въ кожаный корешокъ книги большой величины и журналы. Переплетъ отличался и крѣпостію и изяществомъ.—Еще лучше и практичнѣе поставлено переплетное дѣло при *Песоченской* школѣ. Нѣкоторые ученики достигли въ немъ, можно сказать, примѣрныхъ успѣховъ, такъ что ими переплетены были всѣ школьныя

книги (до 200 экз.) и кромѣ того, выполнено немало заказовъ на сторону за плату. Чтобы имѣть болѣе работы, а, слѣдов., и практики для обученія, цѣны за переплетъ книгъ на сторону брались самыя низкія. Заработокъ дѣлился на 2 части: половина шла на приобрѣтеніе новыхъ матеріаловъ и инструментовъ для мастерской; вторая половина—въ пользу работавшихъ, причемъ по уговору деньги на руки имъ не выдавались, а на нихъ должны были приобрѣтаемы переплетные инструменты, которые и должны поступить по окончаніи курса въ собственность ученика. Для записи поступающихъ работъ и денегъ за работу заведена особая книга, которую ведутъ сами ученики. Столь же практична постановка *столярнаго* ремесла. Въ основу занятій положено, чтобы ученики простыми инструментами могли сдѣлать необходимыя для себя вещи какъ въ домашнемъ быту, такъ и простыя земледѣльческія орудія. А для того, чтобы не пропадалъ даромъ лѣсной матеріалъ (чего трудно избѣгнуть при первоначальномъ обученіи), первоначальное обученіе—тесать, пилить, строгать—было приспособлено къ изготовленію рѣшетчатой городьбы для училищной усадьбы (на 170 саж.). Кромѣ сего, самими учениками сдѣлано нѣсколько станковъ для сохъ, боронъ и др. сельско-хозяйственныхъ орудій, а также изготовлены: 1 гардеробъ, 2 книжныхъ шкафа, 1 улей англо-американской системы, 7 столовъ, 8 коекъ спальныя, 4 сундука, 4 ларчика, 3 табурета, 3 скамьи, 1 рамка для портрета, 2 солонки, 2 оконныхъ рамы, 1 дѣтскій гробикъ, 1 класная доска, 1 этажерка для книгъ, и др. мелкія издѣлія. Въ концѣ учебнаго года болѣе успѣвшимъ ученикамъ показано было окрашиваніе по дереву. Занимались ученики столярнымъ мастерствомъ съ любовью и усердіемъ, почему почти всѣ оказали очень хорошіе успѣхи.

Успѣшно шли ремесленныя занятія и въ Полтавскихъ школахъ. Занятія *столярныя*

въ связи съ плотничествомъ систематически шли, между прочимъ, при Герасимовской школѣ, Роменскаго уѣзда.

Занятія по ремеслу велъ опытный и преданный школѣ и дѣлу псаломщикъ Ѡ. Матвѣевскій. Въ теченіе года въ школьной мастерской исполнено значительное количество предметовъ, и, между прочимъ, *жертвенникъ* для приходскаго храма. Любопытно, что въ столярныхъ и товарныхъ занятіяхъ съ дѣтьми при этой школѣ весьма дѣятельное участіе принималъ также *завѣдующій и законоучитель школы*, священникъ Д. Перчиковъ. Въ Троицкой школѣ г. Кременчуга учитель А. Демидовскій знакомилъ учениковъ со способами выпливанія разныхъ вещей по дереву (ажурная работа).—Воспитанники школы при Полтавскомъ Домѣ Трудолюбія, благодаря хорошимъ мастерскимъ при этомъ Домѣ, имѣли счастливую возможность заниматься сразу нѣсколькими ремеслами: *сапожнымъ, корзиночнымъ, щеточнымъ и переплетнымъ*. А въ Верескуновской школѣ (Прилукскаго у.) мѣстный учитель-псаломщикъ, велъ съ дѣтьми занятія по производству щетокъ изъ щетины, корзинъ изъ соломы, производство конвертовъ и переплетныя занятія. Всѣ выработанныя вещи вышли весьма прочными, чистыми и изящными. Переплетное мастерство достигло особыхъ успѣховъ при Федѣевской школѣ, гдѣ было переплетено въ одинъ годъ 1000 книгъ. Портняжное ремесло подобныхъ же *выдающихся*—успѣховъ достигло въ Калайдинской школѣ, гдѣ старшіе мальчики сами сшили для себя *рубашки, шаровары и куртки*. Сработанныя дѣтьми вещи во многихъ школахъ продавались мѣстнымъ крестьянамъ, а деньги употреблялись на масло для лампы предъ школьнымъ образомъ или на покупку матеріала для новыхъ работъ (Полтав. отч. 1902 г.).

Наконецъ нельзя не упомянуть успѣховъ школъ Московской епархіи. Такъ въ школѣ при Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ

имѣются 3 мастерскія: переплетная, портновская и сапожная. При Полярковской школѣ мальчики подъ руководствомъ *священника* (о. Соловьева) занимались столярными работами и тканьемъ соломенныхъ матъ, по особому способу, съ приспособленіемъ оныхъ къ покрытію сельскихъ построекъ для безопасности отъ пожара и т. п. (Отч. Москов. 1898 г.)

Мы не привели, конечно, и сотой доли того, что въ дѣйствительности успѣли сдѣлать школы въ дѣлѣ приученія дѣтей къ ремесламъ, на всемъ обширномъ пространствѣ отечества нашего. Отчеты, имѣющіеся у насъ далеко не изъ всѣхъ епархій, весьма часто ограничиваются краткими указаніями на существованіе занятій ремеслами при тѣхъ или другихъ школахъ, не имѣя возможности распространяться подробно обо всѣхъ нашихъ труженикахъ, въ тиши дѣлающихъ свое великое дѣло, не ища ни награды, ни похвалы, ни дешевой славы. Одинъ народъ, благу котораго эти труженики беззавѣтно отдались и служить, по достоинству умѣетъ оцѣнить своихъ истинныхъ радѣтелей. По единогласному признанію всѣхъ отчетовъ, нашъ простой народъ вездѣ относится весьма сочувственно ко всѣмъ практически-полезнымъ ремесленнымъ и руководѣльнымъ занятіямъ дѣтей при школѣ. Необходимо отмѣтить при этомъ и ту черту въ немъ, что, цѣня всякое ремесло и занятіе прежде всего съ точки зрѣнія его практической пригодности для жизни, онъ только тамъ, гдѣ видитъ хорошую постановку и ремесленную пользу отъ занятій, живо интересуется ими, всячески содѣйствуетъ и поощряетъ ихъ; въ противномъ случаѣ, при поверхностномъ и нерегулярномъ веденіи занятій, онъ равнодушенъ, и даже склоненъ къ проявленіямъ недовольства и враждебности, подобно тому, какъ одно практическое обученіе, безъ заботъ о религіозномъ и нравственномъ развитіи учащагося,—теряетъ въ его глазахъ почти все свое значеніе.

Изъ этого еще разъ мы видимъ, что народный идеалъ школы—это школа, воспитывающая *человѣка върующаго, трудолюбиваго, серьезнаго въ отношеніи къ жизни и строго вѣрнаго всемъ ея высшимъ требованіямъ.*

Отсюда видно также, что открытіе при нашихъ церковно-приходскихъ школахъ ремесленныхъ и другихъ практическихъ занятій весьма желательно и необходимо. Это придаетъ имъ вполне видъ истинно-

народнаго питомника, всесторонне и наилучшимъ образомъ приготовляющаго молодягъ поколѣнія къ жизни. вмѣстѣ съ тѣмъ, это заградить уста тѣхъ недоброжелателей церковно-приходской школы, которыя съ нелѣпнымъ предразсудкомъ видятъ въ ней только доходную статью духовенства, да мастерскую отжившихъ вѣрованій и мертвой славянщины, и такъ любятъ прихвастнуть практическимъ направленіемъ своихъ „нецерковныхъ“ школъ...

Изъ переписки нашихъ читателей.

Статья г. Бронницкаго по вопросу о церковномъ пѣніи въ школахъ вызвала отклики отъ нашихъ читателей—учителей. Одинъ изъ нихъ поспѣшилъ прислать свои замѣтки, не получивъ еще № 15-го „Б. Нивы“, гдѣ напечатано окончаніе статьи г. Бронницкаго, которое, надѣмся, удовлетворитъ его встревоженное чувство. Но это чувство ревности о дѣлѣ Божіемъ дѣлаетъ ему честь и мы охотно даемъ мѣсто его отклику на страницахъ нашего изданія.

За церковное пѣніе.

Въ 14 номерѣ „Божіей Нивы“ я прочиталъ статью г. Бронницкаго: „Нѣчто о церковномъ пѣніи“.

Право, мнѣ совѣстно сдѣлалось за своихъ коллегъ, такъ свысока относящихся къ такому важному предмету, который можетъ только дѣлать честь нашей церковной школѣ.

Въ самомъ дѣлѣ—пѣніе, которое съ самаго начала христіанства въ Россіи съ такимъ усердіемъ вездѣ примѣнялось; пѣніе, которое и въ глубокой древности считалось предметомъ облагораживающимъ и возвышающимъ наши чувства—это пѣніе низводится теперь на ступень развращающаго предмета!

Осмѣлюсь сказать, что „развѣнчивающіе“ пѣніе или не знаютъ, что такое церковное пѣніе, или не хотятъ знать.

Въ первомъ случаѣ еще можно помочь, но во второмъ, что ни говори—все будетъ бесполезно.

Церковное пѣніе, по моему мнѣнію, можно раздѣлить на два вида:

- 1) Пѣніе стараго направленія, какого требуетъ отъ насъ Православная Церковь и
- 2) Пѣніе новаго направленія, котораго не только не позволяетъ, а даже изгоняетъ Церковь.

Пѣніе стараго направленія вездѣ желательно и особенно въ школахъ нашихъ. „Пѣніе въ церковномъ богослуженіи служитъ средствомъ къ оживленію, восполненію и объединенію молитвеннаго чувства присутствующихъ въ церкви. Оно не только созрѣваетъ и раститъ молитвенное чувство, но и возвышаетъ его до молитвы едиными усты и единымъ сердцемъ. Короче сказать: пѣніе служитъ естественнымъ и необходимымъ выраженіемъ молитвы общественной—единодушной“¹⁾.

Вотъ и задача для школы — устроить такое пѣніе. Это дѣло вовсе нетрудное, какъ извѣстно, и дѣти отъ него не будутъ имѣть „блѣдныя, съ синими кругами около рѣсницъ, изнуренныя лица“.

Такое простое пѣніе, издавна употреблявшееся, нравится нашему народу: „для него необходимы мелодіи не только искреннія и точныя, но и привычныя, освященныя постояннымъ употребленіемъ ихъ въ богослуженіи, столь-же вѣковыми, какъ и самыя общественныя молитвы. Отъ Церкви, а не отъ личности пѣвца, онъ принимаетъ руководство своимъ молитвеннымъ чувствомъ, и въ этомъ отношеніи точныя,

¹⁾ Сборникъ методич. разъясненій по пред., препод. въ цер. школахъ.

исконно-привычныя въ Церкви мелодіи растятъ и укрѣпляютъ въ немъ молитвенное чувство несравненно прочнѣе, чѣмъ самое развитое пѣніе“¹⁾.

Кто-жь можетъ поддерживать и развивать это пѣніе? Конечно, церковная школа.

Что-же касается церковнаго пѣнія новаго направленія, „которое служить земнымъ чувствамъ—музыкальному удовольствію и различнымъ страстнымъ порывамъ“, то оно, конечно, приноситъ скорѣе вредъ, нежели пользу и я съ радостію готовъ примкнуть къ недовольнымъ имъ. Я соглашаюсь, что оно отвлекаетъ вниманіе присутствующихъ въ храмѣ отъ молитвы, оно портитъ религіозное настроеніе молящихся; но это пѣніе въ сущности—вовсе не церковное. Зачѣмъ-же протестовать „вообще“ противъ пѣнія? Развѣ заставляютъ въ нашихъ школахъ изучать такое пѣніе? Нѣтъ?

И прекрасно — не вводите его, но у

насъ есть еще пѣніе стараго направленія; почему же его не употреблять?

Вы говорите, что пѣніе портитъ пѣвцовъ? Но тутъ нужно еще разсудить, кто виноватъ: пѣніе-ли, пѣвцы или учитель?

Скорѣе всего послѣдній. Разъ учитель знаетъ, что клиросъ представляетъ много соблазновъ для дѣтей—онъ долженъ такъ повести дѣло, чтобы своимъ авторитетомъ и своими словами сдѣлать пѣвцовъ такими-же милыми религіозными дѣтьми, какъ и тѣ, что стоятъ подъ клиросомъ.

Пѣвцовъ приглашаютъ на свадьбы и въ другія увеселительныя мѣста?

Опять-же виноватъ учитель. Сдѣлай онъ ученикамъ должное внушеніе—ни одинъ не поидетъ, даже изъ окончившихъ въ его школу.

Если-же у учителя нѣтъ такого умѣнія, то зачѣмъ онъ учительствуетъ? Скорѣе въ отставку..

Учитель И. Г.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Мартъ 1903.

Снова раздалось съ высоты Царскаго Престола слово милостиваго вниманія къ нашему сельскому духовенству; года не прошло, какъ опубликованъ новый законъ о пенсіяхъ служителямъ Церкви; теперь нашъ всемілостивѣйшій Самодержецъ возвѣщаетъ о Своихъ Царскихъ заботахъ касательно „улучшенія имущественнаго положенія Православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы“. Государь желаетъ „сближенія общественнаго управленія съ дѣятельностію приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ“, а это само собою расширяетъ участіе священника въ общественной жизни его паствы.

Чѣмъ могутъ отблагодарить скромные сельскіе пастыри Багочестивѣйшаго Монарха за этотъ актъ Его милостиваго довѣрія къ ихъ пастырской дѣятельности и вниманія къ ихъ болѣе чѣмъ скромному положенію и нуждамъ?

Конечно, ничѣмъ инымъ, какъ горячею молитвою предъ престоломъ Божиимъ и беззавѣтнымъ служеніемъ тому святому и

великому дѣлу, на которое они Богомъ поставлены, „содѣйствіемъ“ своему возлюбленному Монарху „къ утверженію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ“. Таковы предначертанія Высочайшаго Манифеста 26 февраля, Манифеста, для подписанія котораго избранъ день рожденія въ Бозѣ почившаго Родителя Государева, незабвеннаго Царя-Миротворца Александра III, и Державный Сынъ великаго Отца, воспринимая какъ бы отъ руки Божіей „священный долгъ довершить начатое“ Его Родителемъ „дѣло укрѣпленія порядка и правды въ Русской Землѣ“, призываетъ всѣхъ Своихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Ему въ семь великомъ подвигѣ Царскомъ „твердымъ противодѣйствіемъ всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и честнымъ исполненіемъ всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга“.

Болитъ Его Царское сердце, что „смута, посянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увле-

¹⁾ Сборникъ метод. разъясненій.

ченієм началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія“; что „смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодія силы, дорогія“ Его Царскому „сердцу и необходимымъ ихъ семьямъ и родинѣ“.

И ктожь прежде всѣхъ, ближе и сердечнѣе всѣхъ долженъ отозваться на эту Царскую заботу, Царскую боль, на этотъ Царскій призывъ, какъ не служители Церкви Христовой, пастыри и воспитатели Православнаго Русскаго народа? Вѣдь та смута, о которой говорить Государь, которая волнуетъ незрѣлые умы и влечетъ къ гибели юныя силы, вѣдь эта смута прежде всего направляетъ свои козни противъ Церкви Божіей, какъ вѣковѣчнаго устоя всякаго нравственнаго и государственнаго порядка на землѣ... Мы ли, служители Церкви Божіей, не станемъ бодро по зову нашего Батюшки Царя, Первенца нашей св. Церкви, на стражѣ святыхъ завѣтовъ Руси Православной?

Вотъ что пишеть по поводу Высочайшаго Манифеста одинъ вѣрный сынъ Русской земли: „Россия въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, нуждается въ единеніи, сплоченіи грозномъ, бодромъ, страшномъ всякому врагу... Нынѣ наше Отечество переживаетъ тяжелое время. Все-сокрушающія мутныя волны готовы низринуться на насъ извнѣ. Все яснѣе и яснѣе выступаетъ пополозновеніе Европы поработить насъ, наводнивъ нашу страну темными силами, беззастѣнчивость и дерзость которыхъ отвѣчала бы разчетамъ замысловъ, направляющихъ эти силы. Всѣ средства для достиженія намѣченныхъ ею цѣлей позволительны, какія бы жестокія и противонавственныя формы они ни принимали. Если нужно развратить народъ, отуманивъ его здравый смыслъ, поселить въ немъ влеченіе къ необузданной свободѣ, къ произволу, ко всему, что способно расшатать, погубить порядокъ,— Европа выдвинетъ представителей растлѣнной мысли, извращенныхъ понятій, умѣющихъ воспитывать презрѣніе къ труду, ненависть къ ближнему, наемниковъ ловкихъ, хищныхъ, набившихъ руку въ исполненіи всякихъ гнусныхъ замысловъ.“

„На развалинахъ нашего разномыслія, внутренней борьбы и бездѣтельности Ев-

ропа станетъ крѣпко, поработивъ насъ безвозвратно.“

„Это не татарское иго, которое, будучи поддерживаемо лишь силой, могло погибнуть отъ одной лишь силы. Нынѣ намъ грозитъ иго нравственное, поработящее души и сердца, надежды, желанія, идеалы“

И если для сверженія татарскаго ига потребовалось единеніе и союзъ всѣхъ физически здоровыхъ силъ страны, то для избавленія отъ грядущаго закрѣпощенія— этого мало. Нужны силы не только физически здоровыя, но незараженныя въ нравственномъ отношеніи; силы, направляемыя рѣшеніемъ отстоять во что бы то ни стало независимость и свое народное „я“, поднять его на высоту той правды, которая незыблема, несокрушима; правды вѣчной, свѣтлой, чарующей, дающей благодатную жизнь всему, что съ нею соприкасается, и на что ни упадутъ ея лучи“¹⁾.

А гдѣ же живой, благодатный источникъ этихъ „нравственныхъ силъ“, этой „свѣтлой, вѣчной правды“, какъ не въ Церкви Божіей? И ктожь будетъ указывать народу прямые пути къ этой правдѣ, какъ не его пастыри, кто будетъ просвѣщать юныя поколѣнія народа, какъ не служители Церкви Божіей?

„Когда темнѣетъ на дворѣ, усиливаютъ свѣтъ въ домѣ“, говорилъ великій святи-тель Русской земли, Митрополитъ московскій Филаретъ. Когда враги пытаются вносить смуту въ незрѣлые умы и неопытныя сердца, тогда слѣдуетъ усиливать свѣтъ просвѣщенія Христовою истиною въ школѣ, и наипаче въ той школѣ, питомцы которой еще жить не столько умомъ, сколько сердцемъ: да воспримутъ они въ свое доброе, еще не оскверненное порокомъ сердце, въ свою чистую, еще не зараженную ядомъ сомнѣнія душу, святую Христову истину, и возлюбятъ ее, сроднятся съ нею, и въ ней обрѣтутъ себѣ опору въ борьбѣ съ грядущими искушеніями всяческихъ злоторныхъ вѣяній... И какая школа можетъ выполнить такую святую задачу успѣшнѣе нашей церковной? Да поможетъ Господь ея труженикамъ—учителямъ и учительницамъ, во главѣ съ законоучителями цѣлымъ сердцемъ отозваться на Царскій призывъ и оправдать надежды своего возлюбленнаго Монарха!..

¹⁾ Моск. Вѣд. 1903. № 67: „По прочт. Манифеста“.

„ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ“.

Редакторъ-Издатель В. В. БИТНЕРЪ.

Иллюстр. „толстый“ ежемѣс. литературный, художественный и популярно-научный журналъ съ **36 кн.** бесплатныхъ приложений для самообразованія:

12 книг. „Общедоступнаго Университета“, являющагося систематич. курсомъ природовѣднія, составленнымъ по знаменитымъ лекціямъ Буземанна. Изложено живо, вполне общедоступно. Масса рисун., табл. и картинъ въ краскахъ.

12 книг. „Энциклопедической Библіотеки для самообразованія“, состоящей изъ ряда самостоятельныхъ сочин. по разн. отраслямъ знанія: 1) *Веберъ*. Панорама вѣковъ. Очер. всемір. истор.—2) *Бельше*. Исторія міросозерцанія до Колумба.—3) *Бельше*. Ист. соврем. естествознанія.—4) Руководство къ собиранію коллекцій и наблюденію природы.—5) *Лоліэ*. Ист. всемірной литературы.—6) *Бреннеръ*. Астрономич. вечера.—7) *Бансель*. Кооператизмъ, съ доп. о рус. артеляхъ и др. коопер.—8) *Бельше*. Происхождение органич. жизни.—9) *Ру*. Прекрасное въ ист. человѣчества (Ист. искусствъ) и др. Легкое, живое и популярное изложеніе избран. сочиненій, при массѣ рис., портр. и карт. въ краскахъ, отличаетъ эту бібліотеку отъ другихъ изданій для самообразованія, легкою усвояемостью.

12 книг. „Читальни Вѣстника Знанія“, ряда состоящей изъ соч. для легкаго самообразованія чтенія; имѣющаго въ виду широкое образованіе: 1) *Мультипли*—Критико-біографическій очеркъ—2) *Мишо Д'Юмюкъ* Великія легенды человѣчества (Брама, Кришна Прометей, Психей, Мерленъ—очарователь, Вѣчный Жидъ. Фаустъ, Донъ-Жуанъ и пр.) съ рис.—3) Соціальныя утопіи—4) *Бернацкій* Медицина, врачи и общество (къ вопр., поднят. Вересаевымъ),—5) Общеутопно-полит. жизнь Запада съ рис. и портр.—6) Литературные портреты (съ рис.).—7) *В. Битнеръ*. Гипнотизмъ и родств. явленія въ наукѣ и жизни (рис.).—8) Историческія загадки—Главное назн. „Читальни“ будитъ мысль, способствовать развитію гуманности и любви къ знанію.

Въ **12 книгахъ** самого „Вѣст. Знан.“, являющагося не спеціальнымъ, а общелитературнымъ и притомъ единственнымъ „толстымъ“ иллюстр. журналомъ, принимаютъ участіе лучшіе литераторы, профессора, популяризаторы и беллетристы, состоящіе сотрудниками уважаемыхъ журналовъ. Стремленіе къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова, отраженіе жизни и духовныхъ запросовъ общества всестороннее освѣщеніе вопросовъ дѣйствительности—составляютъ задачи „Вѣст. Знанія“. Подписная цѣна на 1903 г. (**48 кн.**) 7 руб., съ дост. и перес. 8 р. Разсрочка по 2 р. за ¼ года. За границу 10 р. Первые четыре книжки высылаются за 1 р.

Адресъ редакціи „Вѣст. Знан.“: С.-Петербургъ, Кузнечный 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ

НА НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

Общее направленіе журнала остается тѣмъ же, что было въ „Вѣстникѣ всемірной исторіи“, (т. е. общественно-прогрессивнымъ), полнымъ правопреемникомъ котораго явится „Всемирный Вѣстникъ“. Не рекламируя изданія и не указывая на его предполагаемое содержаніе, Редакція всегда стремилась къ тому, чтобы кн. журнала представляли собой значительный литературный интересъ. *Мы не будемъ указывать на то, что далимъ, напомнимъ лишь о томъ, что мы уже напечатали.* Изъ трудовъ, помѣщ. въ В. В. И., позволимъ себѣ переименовать слѣд.: „Почитаніе предковъ у Кавказскихъ народовъ“; проф. М. А. Рейснеръ: „Языческой Римъ и христіанская совѣсть“; „Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка“; проф. А. С. Трачевскій: „Наполеонъ I—истор.-біогр. оч.“; „Міръ Ислама“; „Французскіе интенданты“; проф. Н. П. Лихачевъ: „Антоній Поссевинъ и Исаема Швергинъ“; проф. Н. М. Коркуновъ: „Четыре проекта преобразованія Сенаата“; проф. С. Ф. Платоновъ: „О титулѣ „думный дякъ““; проф. Г. А. Комаровскій: „Англія и Трансвааль“; проф. П. И. Ковалевскій: „Христіана, королева Шведская“—ист.-психолог. оч.; проф. Э. Маркъс: „Королева Елисавета Англійская и ея время“; проф. И. Н. Ждановъ: „Пушкинъ о Петрѣ Великомъ“; В. М. Грибовской: „Алмазъ изъ рода Гиревъ“—романъ; „Продѣсь братьевъ Пушкиныхъ“; „Деревенскій Грозный старыхъ временъ“; проф. Ф. О. Зелинскій: „Первое свѣтопреставленіе“; Д. Л. Мордовцевъ: „За всемірное владычество“—ист. ром.; и мн. др. Редакція главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на интересъ содержанія и художественность воспроизведенія беллетристическихъ, историческихъ и научныхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналъ. Обѣщали свое участіе многіе выдающіеся писатели, ученые и другіе и художественные и общественные дѣятели. Въ портфель Редакціи имѣется нѣсколько интереснѣхъ произведеній, съ которыми она предполагаетъ ознакомить своихъ подписчиковъ, между ними рядъ статей: К. И. Арабажина, кн. В. В. Барятинскаго, А. М. Бобріщева - Пушкина, Е. В. Давыдова, И. И. Забрязева, И. М. Иванова, проф. Максима Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, В. Н. Никитина, Н. К. Никифорова, Н. А. Попова, Н. Фальцева, Н. Б. Хвостова, Вс. Чешихина и мн. др. Затѣмъ будетъ данъ рядъ художественныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ, подъ ред. А. М. Бобріщева-Пушкина. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы и науки всего міра и

по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Подписчики получаютъ въ теченіе года двѣнадцать книжекъ (около 300 стр. въ каждой) съ иллюстраціями; при каждой книжкѣ будетъ дано не менѣе двухъ приложенийъ съ особой послѣдовательной нумераціей страницъ. Никакихъ особыхъ премій не будетъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб., за границу на годъ 9 руб.

Допускается разсрочка по 50 к. въ мѣсяцъ. Для ознакомленія съ журналомъ высылается книжка за 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Редакція и контора: СПБ., Дмитровский пер., 15. Редакторъ-Издатель С. Сухонинъ.

Одобренныя: 1) Учебнымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ духовныхъ семинарій, 2) Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній означеннаго Министерства и 3) Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для библиотекъ военныхъ училищъ и фундаментальныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Книги прот. І. Петропавловскаго:

І. ОБЩЕДОСТУПНЫЯ СТАТЬИ ВЪ ЗАЩИТУ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ ПРОТИВЪ НЕВѢРІЯ.

Изд. 2-е. Вып. I-й. (I—VI, 338 стр.).

2. ВЪ ЗАЩИТУ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ ПРОТИВЪ НЕВѢРІЯ.

Вып. II-й. Большой томъ въ двухъ частяхъ (I—V; I ч.—560 стр. II ч.—186 стр.).

Цѣна обовхъ выпусковъ вмѣстѣ 3 р. съ перес.

Одобрительные отзывы о книгахъ: „Церк. Вѣд.“ при Св. Синодѣ (№ 22—1898 г.), „Моск. Вѣд.“ (№ 70, 1898 г.), „Моск. Цер. Вѣд.“ (№ 39, 1898 г.), „Вѣра и Церк.“ (2 к. 1899 г.), „Богосл. библиогр. Листокъ при Рук. для сельск. паст.“ (вып. 5, 1898 г.), „мисс. Обзор.“ (сент. 1898 г.); „Вѣра и Разумъ“ (1899 г. № 20; окт. 2 кн.); „Душеп. Чт.“ (1900 г. Мартъ).

Складъ книгъ у автора Настоятеля Спасекой въ Каретн. р. церк. Продаются книги также въ лучшихъ магазинахъ Москвы, С.-Петербур., Кіева и Казани.

НОВАЯ КНИГА:

**ИЗСЛѢДОВАНІЕ ПОДЛИННОСТИ ИЗОБРАЖЕНІЙ ЛИКА И ТѢЛА
ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ
НА ТУРИНСКОЙ ПЛАЩАНИЦѢ.**

А. Пахарнаевъ.

Цѣна 40 к., съ перес. 60 к.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, книжный магазинъ И. Л. Тузова.
Можно получать и изъ редакціи „Божіей Нивы“.

СОДЕРЖАНІЕ: Воспитывающее значеніе православнаго Богослуженія. *Димитрія Введенскаго.*—Что и какъ читать нашему сельскому учителю? Учит. *Стефана Козубовскаго.*—Маленькіе паломники. Свящ. *А. Державина.*—Письма С. А. Рачинскаго къ Г. А. Толстому.—Причащеніе дѣтей. *Стих. С. П.*—Изъ учительскихъ дневниковъ. Два друга. Учит. *Т. Г—ва.*—Посѣвы и входы. Изъ жизни церковно-приходскихъ школь.—Изъ переписки нашихъ читателей. Учит. *И. Г.*—Нашъ дневникъ.—Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 4-я. (пять статей).

Редакторъ Архимандритъ НИКОНЪ.

Печатать дозволяется. Визанія. Марта 22 дня, 1903 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Вгльевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная
цѣна на
журналъ 1 р.
съ перес.; вы-
ходить
ежемѣсяч-
но.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Бо-
жіей Нивы“.